

Вадим Слуцкий *«Библия» для родителей. Том 1*

Все статьи для журнала «Мой ребёнок»

Вадим Слуцкий

**«Библия» для родителей.
Том 1. Все статьи для
журнала «Мой ребёнок»**

«Издательские решения»

Слуцкий В.

«Библия» для родителей. Том 1. Все статьи для журнала
«Мой ребёнок» / В. Слуцкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852543-8

«„Библия“ для родителей» — это книга, составленная из статей, которые В. Слуцкий написал для журнала «Мой ребёнок». Всего в книгу вошли 127 статей из более чем 150 написанных. Первый том включает в себя первые 64 статьи.

ISBN 978-5-44-852543-8

© Слуцкий В.
© Издательские решения

Содержание

Все статьи для журнала «Мой ребёнок». Том 1	6
Родители-«гипнотизеры»	8
Мы, взрослые, вынуждены как-то управлять поведением детей	8
Кто кого воспитывает	14
Когда дети лают	17
Ребенок заговорил	19
Книги для малыша	23
О «раннем развитии»	25
Материнская власть	29
«Кибердетки»	32
«Я – хороший!»	36
Когда негры загорают	39
«Папа, купи!»	41
Маленькие лгуны	44
Гигиена души	47
«Это – моё!»	51
Воспитание едой	55
Застольные заповеди для родителей	57
«Пятерка» по русскому	59
Юные джентльмены	62
Застенчивый ребенок	67
Родительский стиль	72
Рыночный стиль	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

«Библия» для родителей. Том 1 Все статьи для журнала «Мой ребёнок»

Вадим Слуцкий

© Вадим Слуцкий, 2017

ISBN 978-5-4485-2543-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все статьи для журнала «Мой ребёнок». Том 1

Родители-«гипнотизёры» (что такое внушение; управление поведением ребёнка с помощью внушения).

Кто кого воспитывает, или Как дети манипулируют взрослыми.

Когда дети лают (о том, как правильно организовать жизнь детей, чтобы они и развивались, и чувствовали себя хорошо; о заорганизованных детях).

*Ребёнок заговорил (от чего зависит развитие речи ребенка; распространённые ошибки родителей).

Книги для малыша (какие книги полезны и интересны детям).

О «раннем развитии» (о правильном и неправильном понимании термина «раннее развитие»).

Материнская власть.

Кибердетки (об увлечении компьютерами, телевизором и видео, о причинах такого увлечения, о том, как оно сказывается на детях).

«Я – хороший» (почему ребёнка, даже если не всегда хорошо себя ведёт, нужно постоянно уверять, что он хороший).

Когда негры загорают (о склонности некоторых родителей развивать в своих детях именно то, что уже и так хорошо развито).

«Папа, купи!» (что и как покупать детям, чтобы это было полезно для них в воспитательном смысле).

Маленькие лгуны (почему дети лгут и как к этому относиться).

Гигиена души (как научиться владеть собой и своими эмоциями).

«Это – моё!» (почему у ребёнка должна быть собственность).

Воспитание едой.

«Пятёрка» по русскому (что можно сделать, пока ребёнок ещё не ходит в школу, чтобы он был в ладах с русским языком).

Юные джентельмены (как воспитать вежливого ребёнка).

Застенчивый ребёнок.

Родительский стиль.

Ссоримся правильно (конфликты иногда даже полезны; о том, как «ссориться» с детьми так, чтобы это было им на пользу).

Говорим с малышом (как развивать речь детей).

Тактичные родители (что такое «чувство такта», какое оно имеет значение и как его развивать).

*К истокам мысли (развитие речи и мышления на прогулке).

Конкуренты (о братьях и сестрах, о том, почему они часто ссорятся и как научить их дружить друг с другом).

Без папы (как правильно воспитать ребёнка без отца).

Любовь в коротких штанишках.

Дети-шалуны.

Послушные дети.

Гиперобщительность.

Дети-Робинзоны (о патологически необщительных детях).

Основы дракологии (о драках детей).

Смелый ребёнок (как воспитать ребёнка смелым).

Больной ребёнок (как вести себя с детьми, которые часто болеют).

Трудолюбивый ребёнок.

Детская жестокость.
Воспитание до года.
Лечение творчеством (о творчестве как психотерапии).
*Увлечение чтением (как увлечь ребенка чтением).
Наказывать или нет?
Выбираем школу.
Какая я мама? (как научиться объективно оценивать свои достоинства и недостатки – именно в качестве мамы).
Отец и мать (о роли в воспитании матери и отца).
Что такое рефлексия.
Как понять ребенка? Эмпатия. Активное наблюдение.
Талантливый ребёнок (что делать, если ребёнок очень рано обнаруживает какие-либо таланты).
Мальчики и девочки (в чём разница между ними, как воспитывать мальчиков и как девочек).
Подводные камни воспитания (о самых распространённых ошибках в воспитании).
Бабушколандия (об отношениях детей с бабушками и дедушками, о том, когда они полезны, когда нет).
Детишки-воришки (детское воровство, его причины, как вести себя с ребёнком, если он ворует).
Семейные обычаи (почему важно, чтобы в семье были обычаи).
Единственный ребёнок.
Плюшевые воспитатели (о мягких игрушках).
На пороге детского сада.
Детский сад со всех сторон (о выборе детского сада).
Адаптация к детскому саду.
О разновозрастных группах в детском саду.
Мой дом (что должно быть в комнате ребёнка).
Перед великим шагом (о чём стоит подумать будущей маме накануне родов).
Нравственный ребёнок (как воспитать человека, который будет соблюдать нравственные нормы).
Игра или работа? (что больше нужно ребёнку?).
Что такое воспитание?
Зачем нужны родители?
Зачем нужны дети?
Ребёнок и смерть (как дети воспринимают смерть, как вести себя, если умер кто-то из близких).

Родители-«гипнотизеры»

Мы, взрослые, вынуждены как-то управлять поведением детей

Малыш должен вовремя ложиться спать, вовремя есть, не выбегать на дорогу под колеса машин – и пр., и пр. Как же научиться управлять поведением маленького человека наиболее эффективно и в то же время безболезненно: так, чтобы избежать всяких конфликтов с ним?

Оказывается, это вполне возможно, если освоить управление с помощью внушения. И хотя всем известный гипноз – одна из разновидностей внушения – задача эта вполне реальна для любого взрослого человека.

На ужин была манная каша. Миша сел за стол без энтузиазма.

Мама сказала строго:

Смотри не объешься! Опять живот заболит!

Миша посмотрел на маму с удивлением: это когда же он объедался манной кашей? Слава Богу, четыре года живу – такого не было! Но мама неумолима:

Нечего на меня смотреть невинными глазками! Всем известно, как дети любят манную кашу!

Миша подумал и спросил:

А какие?

Это у него конкретное детское мышление: ему обязательно нужно знать, какие это дети, как их зовут, где они живут.

Какие? Да все! Я сама знаешь как любила манную кашу, когда была маленькая! Ого-го!.. Помню, мама – твоя бабушка – наварит ее целый котелок, я проберусь без спросу на кухню, и ем-ем-ем, прямо не могу оторваться. Однажды весь котелок слопала!

Лопала????

Ну, съела... Так что, ты смотри у меня: подавишься еще от жадности. Ешь небыстро. И добавки не проси – не дам!

Миша глубоко задумался. И так, размышляя, я бы даже сказал – медитируя, съел всю кашу.

Поели – надо убрать со стола. Мама – папе:

Я мою – ты вытираешь!

Нет, я мою – а ты вытираешь!

Нет, мой милый: я мою! А ты – завтра...

Миша:

А я?

А ты иди, поиграй. Ты еще не заслужил право мыть посуду!

А я хочу!

Мало ли чего ты хочешь! Заслужи – тогда будешь мыть. Это уж давно известно: все дети обожают мыть посуду! Но – сначала надо заслужить!

Миша уже не спрашивает, где есть такие дети, которые любят мыть посуду, можно ли на них посмотреть хотя бы одним глазом. И из кухни не уходит.

Мама и папа, не обращая на сына внимания, принимаются за работу. Дело идет весело, с шуточками и прибаутками.

Сзади между тем слышатся вздохи, потом тихое посапывание, немного похожее на гудение автомобиля, когда он заводится, только жалобное: это Миша собирается плакать.

Мама:

Ты что это, почему до сих пор не ушел?

Миша:

А-а-а!.. У-у-у!!.

Чего реवेशь?

Мы... мы...

Не мычи – ты не корова!

Мыть хочу!

Мама обращается к папе:

Ну что ты с ним будешь делать? Ладно уж, пусть помоеет одну тарелочку.

Миша мгновенно умолкает. Дети вообще плачут, чаще всего, вполне целенаправленно: цель достигнута – плач прекращается.

Миша вместе с мамой моет тарелку: мама ее держит и показывает, что и как нужно делать.

Помыли. Мама:

Ну, доволен?

Ага!

Миша улыбается: он доволен.

К сожалению, не могу сказать по чистой совести, что такие семейные сцены мне часто удается наблюдать.

Вообще-то родители чаще всего ведут себя так: не любит ребенок есть манную кашу – его надо уговорить (убедить!).

Ешь сейчас же! Манная каша полезна для желудка. От нее животик никогда не болит. Все дети должны есть манную кашу.., – и т.д., и т. п.

С мытьем посуды та же история. Конечно, каждый нормальный родитель хочет, чтобы ребенок сам убирал за собой: это ведь, кроме всего прочего, еще и воспитательный момент. Но как этого добиться? Опять-таки – убедить! Воззвать к его коммунистической сознательности (или – некоммунистической, неважно).

Но откуда она у него? – вот в чем вопрос!

Когда мы говорим: «Кашу есть полезно!» – это обращение к сознанию. Предполагается, что ребенок подумает: «А в самом деле, каша весьма полезна для моего растущего организма! Значит, необходимо ее отведать!» То есть проанализирует ситуацию, взвесит все «за» и «против» и примет верное – разумное – решение.

Увы! Это же ребенок.

На самом деле ребенок наши слова воспринимает *как внушение*, и содержание его такое: «Меня *уговаривают* есть кашу, *значит я не хочу ее есть!*» Соответственно этому внушению формируется поведение ребенка.

Итак: *обращаясь к сознанию ребенка, мы обращаемся к тому, чего нет*. Пока нет. Не сформировалось еще.

А вот подсознание есть – и не только у детей, но и у животных. Но восприятие на уровне подсознания совсем не похоже на сознательное восприятие.

Подсознание «думает» так: раз меня уговаривают, – значит, это что-то нехорошее. Не буду этого делать!

Это и называется внушением. То, что взрослые считают обращением к сознанию (ведь именно так они привыкли общаться между собой), на ребенка до 5 лет, как правило, действует *как внушение*.

С внушением мы сталкиваемся постоянно. Если на вас лает собака и вы ее боитесь, она «звереет»: это вы ей внушили агрессивные «намерения» своей боязнью. Если же решительно идти прямо на собаку, она убежит: опять-таки внушение, только другое по содержанию.

Проявляя робость – мы внушаем собаке уверенность (а так как собака – хищное животное, то и агрессивность). Проявляя «смелость» – внушаем неуверенность. Раз человек отступает – я должна нападать, – «думает» собака. Раз наступает – мне надо удирать!

Или вот Миша, который сначала был недоволен (тем, что ему не дают мыть посуду), а потом стал доволен (тем, что ему разрешили ее помыть: счастье-то какое!). Почему он сначала был недоволен, а потом стал доволен? Потому что ему *внушили*, что мыть посуду – это какое-то особое право, привилегия: папе можно – а ему пока нельзя. Это что-то хорошее, приятное: таково было содержание внушения. Ему, естественно, тоже захотелось это делать. Как и любому нормальному ребенку на его месте.

Можно объяснить, что такое внушение, по-другому. Это взаимодействие на основе жестко закрепленных РОЛЕЙ (как в театре), когда одна роль предполагает другую.

Представим себе, например, такого важного, солидного человека. Он невольно ВНУШАЕТ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ к себе. А суетливый, нервный – наоборот, внушает к себе непочтительное отношение. Одна роль жестко задает другую роль. Я важный – ты почтительный. Я суетливый – ты непочтительный.

Если мы радуемся человеку – то внушаем хорошее отношение к себе (он мне радуется – значит я к нему хорошо отношусь, – так «рассуждает» подсознание). Если злимся и раздражаемся – наоборот. Роль Радостного предполагает роль того, кто его РАДУЕТ. Роль злого – того, кто ЗЛИТ.

Своим поведением мы как бы предлагаем (или даже навязываем) другому определенную роль. Вот только – понимаем ли мы сами, КАКУЮ именно РОЛЬ?

Раз мы отвечаем за детей, заботимся о них, то вынуждены управлять их поведением. Вопрос в том, как это делать.

Скажем, малыш не хочет есть манную кашу. Или нам кажется – мы боимся – что он не захочет. Даже если это на самом деле не так, то будет так: взрослый своей неуверенностью, своими уговорами внушит ребенку, что манная каша – большая гадость. В итоге приходится заставлять малыша есть кашу.

Но я здесь не собираюсь обсуждать подобный способ управления детьми. Т.е. простое насилие. Хотя и уверен, что взрослый имеет на него право, если исходит из подлинных интересов ребенка (его безопасности, здоровья и пр.), а не своих эгоистических интересов. Но – это слишком просто.

Кроме того, *постоянное насилие* развращает.

Значит, родителям нужно научиться управлять поведением ребенка, не прибегая к насилию (или прибегая к нему редко, в отдельных случаях). А это возможно *с помощью внушения*.

Мы всегда как-то «гипнотизируем» своих детей – пусть и сами того не замечая. Но если мы не понимаем, что внушаем; если ждем сознательного поведения от ребенка, но не способны на него сами, – то внушаем мы, как правило, не то, что нужно.

В результате, имеем армию детей, не желающих есть манную кашу, мыть посуду, чистить зубы, пить рыбий жир – и пр., и пр. Хотя они могли бы все это делать вполне добровольно и даже с удовольствием. Если бы взрослые были «зрячими» в отношении собственных внушений.

Заметьте: когда мы внушаем не то, что следовало бы, то сами не понимаем, что внушаем. А вот мама Миши очень хорошо понимает, что делает.

Вообще управление поведением другого возможно только через сознательное овладение своим собственным поведением.

Допустим, малышу говорят: «Хватит уже гулять! Домой пора!» Содержание внушения: «Гулять очень приятно, хорошо. Я хочу гулять подольше, я не хочу домой» (раз меня приходится уговаривать идти домой). Роли Уговаривающего соответствует роль Упрямки (Того, Кого Нужно Уговаривать).

Но если вы хотите, чтобы ребенок делал что-то (например, вовремя возвращался с прогулки), нужно всем своим видом внушать ему, что это что-то хорошее, приятное (интересное, почетное и т.п.) – и он это сам хочет делать. (И наоборот: чтобы отучить от чего-то – нужно заставлять, постоянно назойливо упрашивать это делать).

Как это ни покажется странным, *о том, какой он и даже чего ему хочется, ребенок, чаще всего, узнает от взрослых!*

Так что просто нам нужно научиться внушать то, что требуется: давать малышу правильные роли.

Мишина мама вела себя так, будто ее сыну уже хочется «лопать» манную кашу и мыть посуду. И ему действительно захотелось.

Теперь давайте подумаем вместе.

Допустим, вы гуляете с ребенком. Пора идти домой, а он не желает.

Можно повернуться к крохе спиной и уходить, словно забыв про него. Это малыша пугает (мама уходит, а я остался!) – он бежит за мамой. Так делают многие. Но это управление с помощью страха. А если ему нечего бояться – он не будет слушаться. В конце концов, управлять поведением такого чада можно будет *только с помощью страха*.

Можно объяснить, что у вас много дел, что вы больше не можете с ним гулять. Если ребенку 5—6 лет и он уже приучен считаться с другими людьми, все будет хорошо. А если ему 3 годика? Ему еще больше захочется гулять (эффект «запретного плода»: раз уже нельзя – то очень хочется!).

Можно просто увести силой. Это вызовет внутреннее сопротивление (всякому человеку, даже самому маленькому, неприятны покушения на его самостоятельность), хотя малыш пока физически не в состоянии с вами бороться. Но когда-нибудь он будет в состоянии. Стоит ли разжигать в нем «жажду бунта»?

Наконец, можно – еще задолго до конца прогулки – говорить крохе: «Не торопись так домой! Успеешь! Давай еще погуляем», – а на уверения ребенка, что он вовсе и не торопится, отвечать с полной уверенностью: «Неправда! Я же вижу, что ты хочешь домой. Тебе хочется... (поиграть машинкой, посмотреть мультики и т.п.)». «Раз мама так уверена, что я хочу домой, значит я действительно хочу!» – так «рассуждает» подсознание крохи.

Выбирайте сами, какой способ лучше.

Кстати, управление с помощью внушения еще тем хорошо, что нам самим становится интересно: что-то все время нужно придумывать, изобретать. В то же время это совсем не трудно.

Хотя – не стоит абсолютизировать этот метод. Иногда лучше прямо попросить: «Миша, пожалуйста, перестань кричать: у меня болит голова!» Конечно, если вы уверены, что он перестанет. Тогда он это сделает из любви к вам!

Ребенок – это человек. Его нельзя постоянно «дергать за веревочку», как куклу, даже если мы умеем это делать. В норме управление с помощью внушения, конечно, должно постепенно уступить место «само-управлению».

Но пока ребенок мал, его поведением приходится управлять. А это удобно делать с помощью внушения.

Итак.

Если вам нужно, чтобы малыш что-то сделал – причем, вполне добровольно, без всякого принуждения —

ни в коем случае не убеждайте его, что это нужно сделать (тем самым вы внушаете ему, что ему этого делать не хочется, – ставите в позицию сопротивления вашим намерениям), не уговаривайте и не заставляйте (опять же – в этом случае взрослый изначально предполагает, что ребенок будет ему сопротивляться);

напротив, держите себя с видом полной уверенности в том, что малыш все, что нужно, обязательно сделает, что он сам хочет это сделать, что просто не может такого быть, чтобы он этого не сделал;

все, к чему вы хотите приучить малыша, у него на глазах делайте с удовольствием, весело и бодро;

постоянно внушайте малышу, что он хороший, добрый, честный, даже если некоторые его поступки этого не подтверждают: тогда он со временем обязательно сам поверит, что он и впрямь такой – и так и будет себя вести.

Херлуф Бидstrup. Рыбий жир.

Кто кого воспитывает

или Как дети манипулируют взрослыми.

Сережина мама – деловая дама. Она очень занята. Домой приходит измочаленная, без сил. И как-то непонятно, замечает сына или нет. И сыну поэтому тоже как-то непонятно, есть ли он на свете или его нет.

Ребенок уверен в собственном существовании только тогда, когда его замечают другие, прежде всего, самые близкие люди. А если они не замечают? Надо как-то сделать, чтобы заметили!

Однажды Сережа заболел. Было ему тогда почти 3 года. От природы на редкость здоровый был мальчик. Но вот заболел все-таки.

Это было такое счастье! Мама сидит дома. Мама все время с ним. Она ухаживает за ним, заботится о нем, беспокоится о нем. Ура, я есть! Я существую!!

Сережа болел долго, непонятно даже почему. Вроде бы было простое ОРЗ, а мальчик очень здоровый, захворал в первый раз.

С тех пор Сережа стал болеть. Я видел его медицинскую карточку: она похожа на «дело Ходорковского-Лебедева» из Мещанского суда. Чего там только нет!

Может ли ребенок болеть специально? Знакомый профессор медицины, педиатр, нисколько не удивился моему вопросу, сказал: «Господи! Ну, конечно!»

Оказывается, это «научно-медицинский факт»: дети нередко болеют специально! И не только дети! Есть целая литература на эту тему. Болеют не «от чего», а «для чего»: чтобы решить какую-то свою человеческую проблему, которую по-другому решить не удастся.

Как это происходит, до конца пока неясно, – как и многое пока еще нам неясно в человеке. Но это факт: не только тело влияет на дух, но и дух влияет на тело. Причем, влияет вполне целенаправленно.

Разумеется, в данном случае «специально» не значит «сознательно». «Решило заболеть» не сознание, а подсознание ребенка.

Тем самым Сережа научился управлять своей мамой, добиваясь от нее удовлетворения своей органической потребности быть в центре ее внимания, быть тем, кого она замечает. Увы, это сделало мальчика неврастеником.

Дети часто манипулируют взрослыми. Уже из истории Сережи понятно: счастливые дети к этому мало склонны. Это характерно для несчастных детей.

Впрочем, несчастного ребенка не всегда просто распознать. Вот Таня – она кажется очень счастливой. У нее и мама, и папа, и бабушка. Бабушка и мама не работают. Папа работает и очень много зарабатывает. У Тани столько нарядов, сколько не у всякой кинодивы бывает. Иногда в течение дня ее переодевают раз по пять: и все такое красивое, тщательно подобранное. Какие прически ей бабушка делает! Какие вкусные вещи покупает! Но – все это не просто так. Бабушка и мама любят послушных детей.

И Таня очень быстро научилась: склони головку, пригорюнься, потупь глазки, а то и слезу пусти. И простят. За спиной у взрослых делай, что хочешь, но не попадайся! А попалась – сумей угодить, разжалобить, продемонстрировать беспомощность.

Так делают животные: если большая собака нападает на маленькую, та принимает «позу покорности»: валится на спину, лапки кверху, как щенок, демонстрируя полную беспомощность, – и агрессор отступает.

Таня всегда весела, довольна, безмятежна, здорова. Но подлинной любви, настоящих человеческих отношений она не знает. Человеческого счастья не знает эта девочка: его заменяет животное довольство.

Она научилась управлять близкими взрослыми (хотя им кажется, что это они ею управляют). К чему это приведет для нее?

Само слово «манипулирование» означает, что человеком управляют *как неживым предметом*. Как будто это робот: есть у него такие кнопки, нажмешь на нужную – получишь то, что хочешь.

Грозятся наказать? Надо заплакать, изобразить неутешное горе – простят! Хочешь, чтобы родители купили что-то? – веди себя как пай-мальчик (или пай-девочка) – и все будет! И т.д., и т.д., и т. д.

Кто же кого здесь воспитывает? Если не взрослые управляют ребенком, а он ими управляет?

Впрочем, для ребенка это всегда кончается печально. Только он сам об этом не подозревает. Он живет здесь и сейчас и хочет добиться чего-то сейчас, притом, сам того не осознавая. Откуда ему знать, к чему это может привести, как это отразится на его жизни?

Конечно, только взрослые способны осознать ситуацию и овладеть ею.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что с детьми нужно вести себя всегда так, чтобы они от нас никогда ничего не могли добиться. Ребенок попросил – папа или мама купили. Это совершенно нормально.

Но это и не значит становиться объектом манипуляций. Здесь все делается явно, и взрослые понимают мотивы ребенка и *сами* принимают решение.

Когда же нами манипулируют, мы превращаемся в биологически живые куклы, которые кто-то дергает за ниточки, а куклы этого не замечают.

Превратив маму в куклу, ребенок может добиться от нее каких-то сиюминутных прагматических целей. Вот только он при этом потеряет маму. Потому что кукла, пусть и биологически живая, не может быть матерью. Не может быть другом и воспитателем.

Он что-то приобретет – но чего-то другого, гораздо более важного, лишится. И не его в том вина.

Когда мы даем детям возможность манипулировать собой, мы теряем себя: перестаем быть взрослыми людьми, разумными, сознательными и ответственными. Перестаем быть родителями и воспитателями собственных детей. Мы больше не хозяева положения. С ребенком что-то происходит, а мы и не знаем, что.

Сережина мама кажется самой себе Хорошей Мамой, когда она самоотверженно ухаживает за больным сыном. Это даже приносит ей какое-то удовлетворение, потому что в глубине души она чувствует, что работа для нее на первом месте и сыну она уделяет мало внимания.

Танины мама и бабушка уверены, что они хорошо заботятся о Тане: она у них послушная, ухоженная, веселая, здоровая.

Слепота взрослых губит детей.

Когда тот, кто должен быть ведомым, превращается в ведущего, то впору вспомнить изречение из Евангелия: «Может ли слепой вести слепого? Не упадут ли оба они в яму?»

И кто тогда будет в ответе?

Любой ребенок в своей жизни совершает одно очень важное для себя открытие: он обнаруживает, что своим криком, плачем, движениями ручек и ножек может управлять поведением тех, от кого зависит удовлетворение его потребностей и желаний, – мамы, папы, бабушки, няни. И тут же начинает этим пользоваться.

Удивляться здесь нечему: ведь и животное может научиться манипулировать человеком. Собака, которая хочет гулять, лает, носится по комнате, пристает к хозяину и, в конце концов, может допечь его – он действительно пойдет с ней гулять, хотя еще не пришло время. И собака «поймет»: так можно добиться своего! А ребенок, уж конечно, «не глупее» собаки.

И вот, когда он сделал это открытие, то все будет зависеть от близких взрослых, прежде всего, от мамы. Если она сумеет разобраться, где тут крик и плач, вызванные серьезными причинами; где проявление потребности, которую нужно удовлетворить, а где каприз, своевольное желание получить дополнительную порцию внимания и ласки; если ее реакция определяется ее осознанным решением, если это не импульсивный ответ на то, что делает ребенок, на его крик и плач, то постепенно маленький тиран заметит: ничего не получается! Оказывается, этими взрослыми нельзя манипулировать: они делают только то, что сами решили сделать – независимо от моих желаний. Они неуправляемы!

И это еще одно важнейшее открытие: оказывается, другие люди существуют не только для удовлетворения моих желаний! Они реальны, они – сами по себе!

Все это происходит тогда, когда ребенок еще не умеет ни ходить, ни говорить. Тем не менее, у него уже появилась определенная позиция по отношению к взрослым (и даже – вообще к людям): либо это позиция «все люди – для меня»; либо – «люди существуют сами по себе, независимо от меня».

И затем ребенок уже, во многом, ведет себя, исходя из этой, укоренившейся в его подсознании, позиции.

Известно, что дети во время т.н. «кризиса младенческого возраста» (он бывает в 2—3 года) крайне нуждаются во внимании взрослых ко всему, что они делают, и в одобрении взрослых. Но что, если достаточно внимания и одобрения ребенок не получает? Он попытается привлечь к себе внимание «плохим поведением»: будет кричать, шуметь, станет чудовищно назойлив. Добьется своего? Тогда такое поведение начнет закрепляться.

Вполне вероятно, что, став школьником, этот ребенок будет таким же способом привлекать к себе внимание учителя и одноклассников: в его подсознании «записано», что люди обращают на него внимание тогда, когда он «плохо себя ведет».

Конечно, важно не только осознать, разгадать попытки детей манипулировать нами. Важно и их предупредить, а это возможно, если мы удовлетворяем все, или по крайней мере, почти все основные потребности ребенка: как биологические, так и духовные.

И все-таки избежать соблазна поманипулировать взрослым человеком дети, как правило, не могут. Причина не в их испорченности, а в их слабости. Это естественно для них.

Но если мы не поддаемся, если «ниточки», привязанные к кукле, рвутся в руках ребенка, и он обнаруживает, что кукла – вовсе не кукла, а человек, живое существо, самостоятельное и свободное, что им невозможно манипулировать, – то вот тут-то и начинается его социализация: теперь он учится понимать людей, строить с ними отношения на равных.

Если же ребенок научился манипулировать близкими взрослыми, и это его вполне удовлетворяет, то происходит самое страшное: его развитие тормозится. Он уже не пытается чему-то учиться в общении с людьми: ему кажется, что он уже научился всему, что ему нужно.

Но ведь живое тем и отличается от неживого, что движется, меняется, развивается. А такой ребенок перестает развиваться, по крайней мере, в этом отношении.

Привыкнув быть окруженным куклами, взаимодействовать с куклами, он сам постепенно становится куклой.

Есть такая восточная игра: несколько кукол особым образом связывают тонкими нитями. Если дернуть одну из них, все фигуры начинают двигаться: одна делает шаг, другая поднимает руку, третья открывает рот. Они как бы живут самостоятельной жизнью. И каждый раз это происходит по-другому.

Одна кукла приводит в движение другую, та – третью. Одна словно бы отвечает другой. И детям нравится эта игра, им кажется, что куклы – живые, что они «пляшут сами по себе».

Но это – иллюзия жизни, а не подлинная жизнь.

Когда дети лают

В садике, где я работаю, недавно состоялся малый педсовет. Обсуждали одного-единственного ребенка, зовут его Владик. Ему 5 лет, и он из образцово благополучной семьи.

Владик умный и интересный мальчик, но это когда с ним говоришь наедине. В группе он почти нетерпим, потому что ведет себя порой просто как двухмесячный щенок.

Играем, например, в «котов и мышей». Надо посчитаться: кто будет котом. Владик:

Я, я буду котом!

Ариша или Вика (наши шестилетки) его останавливают:

Да подожди ты. Посчитаемся!

Владик:

Я, я буду считать!

Но кто-то уже говорит считалку. Владик:

У-у-у!! – ревет, словно его побили, закрывает голову руками, ложится на пол, бьется в истерику.

В играх он не соблюдает никаких правил, хочет всегда быть в центре внимания. Он никогда не бывает спокоен: или смеется, размахивает руками, прямо пенится от радости, – или мрачен и уныл. Эмоции у него переходят одна в другую мгновенно, без всякого промежутка между ними.

У Владика отсутствует произвольное внимание (крайне редкое явление в этом возрасте). Вот идет занятие, дети что-то лепят за своими столиками, лепит и Владик, кажется, он даже больше всех увлечен своей работой. Но вдруг мимо, жужжа, пролетела муха. Владик сорвался с места, бросился за мухой, налетел на воспитательницу. Глаза выпучены, размахивает руками.

Воспитательница его схватила, он ее чуть ли не ударил: так ему не терпится поймать муху.

А однажды он действительно ударил воспитательницу: торопился в бассейн, а она его не пускала без пакета с купальными принадлежностями – пакет же куда-то делся – и Владик ударил воспитательницу. Прямо при всех.

На педсовете все (в том числе и мама мальчика) сошлись на том, что Владик хорошо развит интеллектуально и функционально (с точки зрения развития отдельных способностей и т.н. «психических функций»: памяти, воображения), но инфантилен, с очень серьезной задержкой в личностном развитии. Эмоционально он как двухлетний.

В чем дело?

И вот тут обнаружилась интересная вещь. Владик ходит в школу. Там он учится читать, считать, изучает английский язык. Он занимается музыкой и рисованием. Ходит в детский центр «Умничка». «А вы ничего не забыли?» – спросили у мамы. Оказывается, таки забыла: он еще танцами занимается. Бальными! В группе «Party Dance»!

Я спросил: «А когда же он отдыхает?» Мама спокойно ответила: «После девяти вечера». У Владика нет друзей, кроме садика он ни с кем не играет: некогда. А как он играет в садике, я уже рассказал.

Оказывается, папа Владика уверен: пока ребенок маленький, в него нужно вложить (в смысле – впихнуть) побольше. Вырастет – будет среди лидеров, а не аутсайдеров.

Да, это знамение времени. И, конечно, не повернется язык осудить родителей, которые хотят всяческого блага своему ребенку, тратят свои деньги, и деньги немалые.

Вот только они не понимают, что такое развитие человека.

Человек полноценно развивается тогда, когда условия его существования гармоничны, когда его жизнь разнообразна. Общение со сверстниками – это тоже важный опыт, тоже раз-

витие. Игры и увлечения, даже самые простые, тоже многое дают для развития ребенка: это доказано. Копаясь в песочке, часами ползая по траве за каким-нибудь жуком, ребенок развивается – возможно, более интенсивно, чем на каких-то специальных курсах.

А отношения с близкими людьми, теплота человеческих отношений? Как такой заорганизованный ребенок может ее почувствовать? Ему вечно некогда. Бабушку и дедушку он видит только по праздникам.

И получается уродец, с огромным раздутым интеллектом, но без сердца и души. Будущий лидер.

Нам было очень трудно уговорить родителей Владика «оставить его в покое», разгрузить его. Странно: почему им так тяжело от этого отказаться?

Во-первых, чувствуешь себя Хорошим Родителем: я все делаю для своего ребенка! Вкладываю кровные денежки в его будущий успех! И в то же время, сам-то этот «Хороший Родитель» ничего не делает. Он передоверил воспитание своего ребенка наемным работникам.

И делать ничего не надо – и совесть спокойна.

Но не все в жизни покупается за деньги. Воспитание и развитие, например, – это феномен того же порядка, что любовь, дружба, милосердие. Их нельзя купить за деньги. Только родители могут воспитать своего ребенка. Только родители!

И воспитать не кошельком своим, а своей душой, своим пониманием, своими каждодневными усилиями.

Но взрослым людям, активно включенным в социальную жизнь, очень свойственно поддаваться влиянию социума. А время зовет: «Вкладывай деньги в образование своих детей!» Десятками, сотнями открываются «детские центры», где малышей учат читать с помощью кубиков Зайцева, а также других суперпередовых методов, чуть ли не раньше, чем они начнут говорить; где их всячески образуют и развивают.

Это соблазн. Отвести ребенка, заплатить – в конце концов, так легче. Чем самим думать, искать, стараться понять.

Но наемный специалист, пусть самый лучший, не заменит отца и мать. И самые напередовые методы обучения не дадут ребенку то, что даст ему бабушкина сказка. И, кстати, как много среди всяческих «центров» таких, которые, собственно, не столько для детей существуют, сколько для своих, вполне взрослых, сотрудников: просто люди так зарабатывают деньги. И это совсем не плохо само по себе.

И если ваш ребенок ходит на танцы или музыку, это тоже, конечно, само по себе совсем не плохо. Плохо, когда «организованное развитие» заслоняет всю жизнь, не дает жить.

«Как ребенок будет жить завтра, если мы не даем ему жить сегодня..?» – спрашивал Януш Корчак. А ведь, между прочим, ребенок не только «развивается», он и живет. И от того, насколько полной, разнообразной и счастливой будет его жизнь сегодня, в огромной степени зависит его завтра.

Нет, я не о социальном лидерстве: не в нем счастье человека. Я о том, каким он будет человеком, сумеет ли жить в мире и гармонии с собой и людьми.

Психолог Н. В. Жутикова в одной из своих книг рассказывает о мальчике, вся жизнь которого была расписана родителями по минутам: в результате ребенок оказался психически выжат, как лимон – наконец, стало понятно: он больше не выдержит. От него отступились. После чего он целый месяц с утра до вечера валялся на диване *и время от времени лаял*: это он так играл!

Уверяю вас: если так дальше пойдет, наши дети начнут не только лаять, но и кусаться! И что мы тогда будем делать? Купим им на... личники (не «намордники» же!)? И будем водить на поводках – на курсы тригонометрии для дошкольников по системе Гаусса?..

Ребенок заговорил

Почему одни дети начинают говорить позже, другие раньше? Почему некоторые дети настолько опережают других в развитии речи? Что нужно делать, чтобы речь ребенка развивалась как можно лучше?

Поскольку я буду говорить здесь о развитии речи совсем маленьких (от годика до пяти лет) детей, читатель не найдет тут какой-то определенной методики развития речи, которую можно было бы использовать на специальных занятиях с детьми. Мне просто хочется предостеречь вас, уважаемый читатель, от весьма распространенных ошибок, которые делают многие родители. Итак!

Многие думают, что развитие речи требует особой ограничивающей среды (чтобы ребенок не отвлекался: как в школе), специально подготовленных взрослых, учебных занятий. Но это не так.

Известно, что дворянские дети – а они, как и всякие дети, были очень разные в смысле способностей – все великолепно владели иностранными языками, осваивая их в детстве. Между тем, специальных занятий не было – и учили их гувернеры и гувернантки, которые, как правило, не были профессиональными педагогами. Но у них имелось одно достоинство: они не знали ни слова по-русски. А ведь гувернер весь день с ребенком, играет с ним, гуляет, ест. И дети выучивались с ними объясняться, незаметно осваивая язык. В то же время ни для кого не секрет: школьное обучение иностранным языкам гораздо менее эффективно.

Поэтому – правило первое: развитие речи ребенка происходит постоянно, в течение всего дня, когда он не спит.

Многие убеждены: все дело во врожденных способностях. Действительно, они имеют большое значение. Но далеко не решающее. Главную роль играет *обогащающая* (или не обогащающая) *среда*.

Один ребенок весь день с людьми, причем разными: и сверстниками, и детьми постарше, и взрослыми – он слышит вокруг себя разнообразную речь, далеко не всегда к нему обращенную (и не всегда понятную). Другой постоянно находится с одним-двумя людьми, которые за ним присматривают и разговаривают очень мало. Нетрудно догадаться, какой ребенок будет лучше говорить: первый или второй.

Еще одно распространенное заблуждение: речь развивается только в процессе говорения (своего или окружающих). На самом деле речь и мышление, речь и воображение (и даже речь и личность!) развиваются вместе – как единое сложное Целое. Так что ребенок, который весь день активен, видит множество предметов, животных и людей, имеет возможность их трогать, принимает участие во множестве событий – не только лучше развивается вообще, но и неизбежно обгонит своего малоактивного и лишенного разнообразных впечатлений сверстника именно в развитии речи.

Взрослые часто убеждены: с ребенком нужно общаться *на его уровне*. Отсюда огромное количество «бесед» подобного рода:

ДОЧКА. Са-абацька!

МАМА (скучным голосом). Да, это собачка. Она бежит...

ДОЧКА. Са-абацька!!

МАМА (еще более скучным голосом). Собачка хорошая...

СОБАЧКА. Р-р-ррр! Гав!!

МАМА. Фу!!.. Нет, это плохая собачка.

ДОЧКА. Са-абацька! (тянется к ней)

МАМА. Фу!.. То есть, что это я!.. Нельзя трогать! Собачка плохая!

Нетрудно заметить, что словарь такой мамы подобен словарю Элочки Щукиной, которая, как известно, обходилась ровно 30 словами. Что может почерпнуть ее бедная дочь из такого «общения»?

Но ведь нетрудно себе представить совсем другой разговор:

ДОЧКА. Са-абацька!

МАМА. Очень смешная, правда?

ДОЧКА. Мись-ная!

МАМА. Да, ужасно смешная! Смотри, какая у нее пестрая шерсть: и серая, и желтая, и бурая!

ДОЧКА. Са-абацька! Мись-ная!

МАМА. На редкость смешная собака. Но она, кажется, голодная. Не покормить ли нам ее?

ДОЧКА. Пакальмить! Пакальмить!

МАМА. Замечательно! Чем же мы ее накормим? Может быть, дать ей пельменей? У нас, кажется, остались от ужина. Или пирожка с капустой? Или она будет есть яблоко?

ДОЧКА. Абляко!

МАМА. Нет, кажется, собаки яблок не едят. Собаке нужно мясо. Или, на худой конец, кусок хлеба. Беги домой, принеси!

И т.д., и т.п. Как видите, мама разговаривает с совсем маленьким ребенком, используя разнообразные лексику и синтаксис – почти так, как она говорила бы со взрослым собеседником. Причем, речь ее эмоционально насыщена: тут и удивление, и жалость, и восклицания, и риторические вопросы, и вопросы совсем не риторические, требующие от ребенка ответа, а для этого ведь сначала подумать надо – и, что очень важно, все это на самом деле обращено к малышке: мама действительно общается с ней, беседует с ней – это настоящий диалог, несмотря на то, что крошечный ребенок пока не в состоянии полноценно этот диалог поддерживать, но зато девочке интересно, она чувствует себя участницей эмоционально насыщенного увлекательного общения.

Так что мнение, что ради ребенка нужно опускаться на его уровень, абсолютно неверно. На самом же деле, с ребенком нужно учиться говорить так, чтобы ему было КОЕ-ЧТО ПОНЯТНО – и, главное! – ИНТЕРЕСНО вас слушать, в то же время не боясь употреблять заведомо непонятные пока для малыша слова, фразы, синтаксические конструкции. ПОДНИМАЯ ЕГО тем самым ДО СВОЕГО – сравнительно с ребенком высокого – УРОВНЯ развития речи.

Еще одно весьма обычное заблуждение: очень важно, чтобы ребенок слышал только «правильную» речь. На самом же деле, для маленьких детей это не имеет значения, а если взрослые чересчур заботятся об этом, то даже вредно, потому что, опять-таки, обедняет его речевую среду.

Всем известно, что дети говорят неправильно, но именно таким образом они осваивают нормы языка.

Вот почему я считаю очень хорошим педагогом маму, которая как-то после обеда собирала со стола объедки в собачью миску, а маленькая дочка к ней приставала:

МАШЕНЬКА. Сё? Сё?

МАМА. Это мама не съела. А это Машенька не съела. Это объедки!

МАШЕНЬКА. А-бетьки! А-бетьки!

МАМА. Правильно, доченька: *кому объедки, а кому и обедки!*

А Машеньке, между прочим, полтора годика! Вы скажите: такую фразу не всякий взрослый сразу поймет. И зачем приучать ребенка не соблюдать нормы языка?

А потому что ребенок именно так мыслит, именно так – экспериментируя со словом – осваивает язык. В этом смысле, чтобы способствовать наиболее успешному развитию речи

наших детей, нужно, как это ни странно, учиться у детей говорить так, как это свойственно им – с нашей точки зрения «неправильно» – а не с упорством, достойным лучшего применения, заставлять и себя, и их говорить всегда «правильно».

Что, собственно, делает ребенок, «коверкая» (как нам кажется) родной язык?

Вот маленькая (5 лет) девочка задает воспитателю вопрос:

– *А дракон может ЗАГЛОТИТЬ дом?*

Да, такого слова «заглотить» нет. Однако вопрос понятен. Все средства языка употреблены, в общем-то, правильно. Приставка «за» действительно имеет в том числе и такое значение (сравните: «захватить», «завладеть» и т.п.). Правда, именно в этом слове принято употреблять приставку «про». Но фактически девочка, образовав несуществующее слово, продемонстрировала не то, что она плохо знает русский язык, а как раз то, что она его знает хорошо – и весьма творчески использует языковые средства.

Она ИГРАЕТ средствами языка – и тем показывает, что знает, как и когда уместно их использовать. А научиться говорить «проглотить» вместо «заглотить» она еще успеет, благо, что это-то как раз совсем не трудно.

Не случайно же такой замечательный «детовед», как К.И. Чуковский, одну из глав своей книги «От двух до пяти» целиком посвятил разного рода детским речениям – и притом придал им вполне научный смысл!

Чего стоит, например, классическая фраза маленького мальчика, гулявшего с родителями по лесу и наткнувшегося на гнездо куропатки: рассказывая об этом эпизоде, малыш воскликнул: «Вдруг у меня из-под ног вылетела психопатка!»

Для нас это смешно – но ведь это самое настоящее языковое творчество, причем очень удачное, на какое взрослые бывают редко способны. Действительно, куропатка вела себя испуганно, панически – поэтому она ПСИХОпатка! Не в бровь, а в глаз!

Такое творчество детей надо поощрять, а не запрещать, впрочем, отличая его от просто грубых нарушений норм языка.

Часто родители много читают детям и убеждены, что при этом автоматически происходит развитие речи ребенка. Потом бывают разочарованы: мы так его развивали, а у него такая бедная речь! Но виноваты не книги.

Чтение и слушание действительно способствуют развитию речи, но только тогда, когда ребенок *умеет слушать и читать*. Не в техническом смысле, разумеется: я говорю о способности воспринимать и понимать текст. Совсем маленький ребенок воспринимает только события и наиболее яркие детали. Остроумие автора, характеры героев, отдельные интересные слова и выражения, описания – всего этого ребенок не замечает. Он будто слеп и глух.

Поэтому читать детям совсем не так просто, как многие думают. То, что ребенок слышал текст, еще не значит, что он его сумел воспринять. После чтения (можно сразу, а можно и спустя день-два) попросите ребенка рассказать прочитанную сказку, нарисовать героев (для этого нужно вспомнить, какие они, или спросить у мамы); разговаривая с ребенком, употребляйте слова и выражения из сказки, чтобы малыш почувствовал, какие они интересные. Поиграйте с ним «в театр»: игру, сюжет и персонажи которой взяты из сказки.

Но делать это нужно «недидактически»: чтобы ребенок не догадался, что его «развивают».

И, конечно, важен выбор книг. Принцип здесь тот же: читайте детям то, что интересно и талантливо с вашей точки зрения – без всякой скидки на то, что это «детская литература», что, мол, дитя малое и глупое. Авторы, намеренно упрощающие свои тексты, «чтобы детки поняли», пишущие исключительно про белочек, кошечек и зайчиков – в сущности, не уважают детей, да и самих себя. Это, скорее, коммерсанты от литературы, чем настоящие писатели. Читайте детям классику, проверенную временем, не боясь, что ваш маленький слушатель чего-то не поймет.

И не забывайте, что слушать чтение – это все-таки скорее пассивное потребление. Лучше если ребенок сам научится читать: сейчас любого ребенка учат читать с 3 лет, а иногда и раньше, и вполне успешно – и главное – захочет самостоятельно читать. Вот это – самостоятельное чтение с увлечением – действительно по-настоящему развивает.

Для взрослых речь – это, прежде всего, информация. Поэтому им кажется, что и для детей именно это важно. На самом же деле, для детей речь – это, прежде всего, *способ выразить эмоции и коммуникация*.

Например, девочка, говорившая «Сабацька! Сабацька!» при виде собаки, вовсе не называла собаку (не констатировала, что это животное называется «собакой»), как казалось ее маме, а, во-первых, выражала свой искренний восторг при виде такого замечательного, редкого и экзотического зверя, а во-вторых, обращалась к «сабацьке», звала ее – вступила в общение (коммуникацию) с ней.

Соответственно, наша информативная, но эмоционально бедная речь детей почти не развивает. И еще: им все время нужно *что-то делать словами, чего-то добиваться словами*: это и есть коммуникация. Позвать кого-то – и чтобы тот, кого зовут, отреагировал. Восхититься – и чтобы кто-то разделил их восторг. Чтобы их речь приводила к какому-то практическому результату, на кого-то влияла – вот что нужно ребенку.

Поэтому уметь говорить по-разному (юмористически, сатирически, иронично, строго, грустно, мечтательно, задумчиво), с точки зрения эмоциональной заряженности речи, чрезвычайно важно – именно в смысле влияния нашей речи на развитие речи наших детей. Поэтому важно постоянно вступать в *диалог* с ребенком, а не вынуждать его выслушивать назидательные монологи взрослого.

В процессе развития диалог предшествует монологу – и так и должно быть в жизни каждого ребенка. Не воспринимать только то, что ему говорят, не внимать нам, умным и развитым, он хочет – а хочет общаться, хочет, чтобы его тоже слушали, реагировали на его слова и эмоции, которыми эти слова заряжены, хочет что-то значить для других людей. Влиять на них посредством речи – да, да!

А если этого нет, малыш разочаровывается в речи как таковой. Можно ведь обходиться почти без слов. Что фактически многие дети – и даже некоторые взрослые – и делают.

Кстати, и самим взрослым гораздо интереснее ТАК общаться с детьми, а не читать им нотации и произносить жутко информативные «лекции» - монологи.

Как видите, такой подход к развитию речи детей развивает в то же время и нашу речь, речь взрослых. И это общая закономерность: кто хочет, стоя на месте, как на пьедестале, поднять до себя ребенка, – тот никогда ничего не достигнет. Нужно идти вместе с ребенком, подниматься с ним. Да, мы ведущие, а он ведомый. Но мы поднимаемся *вместе*.

Мы не развиваем детей – это как раз невозможно, а *развиваемся вместе с ними*. И если мы не растем – то не вырастут духовно и они.

Книги для малыша

Как выбирать книги для своего ребенка? Есть ли тут какие-то критерии, кроме субъективного вкуса родителей (поскольку у самого ребенка никаких определенных литературных пристрастий пока нет)? Какие книги действительно полезны и интересны детям, способствуют их развитию? Почему часто бывает так: взрослые купили малышу книгу, с их точки зрения очень хорошую, старательно ее прочли, показали иллюстрации – но ребенок о ней не вспоминает и книга, заброшенная, валяется где-нибудь в углу?

Давайте попробуем разобраться.

Во-первых, детская литература – это тоже литература. Самая настоящая, без всяких скидок. Чтобы ее создавать, нужен талант. Нужно знание жизни, людей, умение что-то заметить в них такое, чего не видят другие. Нужно мастерство рассказчика, нужно владеть словом. Нужно, чтобы писателю было что сказать своим читателям: чтобы это был душевно богатый, интересный человек.

Любопытно, что мало-мальски интеллигентные люди это прекрасно понимают, когда речь идет о литературе для взрослых, но почему-то перестают понимать, если это тексты для детей. Иначе никак нельзя объяснить, почему наш книжный рынок завален роскошно изданными, но крайне низкого литературного качества текстами, вроде:

Ложка – это ложка,

Ложкой суп едят.

А кошка – это кошка:

У кошки семь котят.

Как вы думаете: очень трудно сочинить такой стишок? Большой для этого нужен талант? Много ума?

Кстати, этот текст Ирины Токмаковой считается у нас чуть ли не классическим и вызывает умиление и восхищение... нет, не детей – а очень многих взрослых. Особенно имеющих непосредственное отношение к издательскому бизнесу.

Дело в том, что книги «для детей» пишут отнюдь не дети, а взрослые. И им нужны слава, деньги, нужен успех. Решают, что из написанного издавать, что нет, тоже взрослые. Которые тоже кое-что на этом зарабатывают. И поэтому и тем, и другим выгодно убедить потенциальных покупателей (тоже взрослых), что ВОТ ЭТО (см. выше) и есть настоящая детская литература.

Почему выгодно? Потому что такие тексты можно печь как блины – в любом количестве и без всякого труда. Не нужно ни таланта, ни внутреннего содержания – ничего. Это же для детишек: маленьких, глупеньких. ДЛЯ НИХ и так сойдет.

Вот почему нужно быть очень осторожными в выборе детских книг. Дурновкусие и бессодержательность заразительны и опасны. Поэтому, если тексты не нравятся вам, не верьте никому, не обращайтесь на авторитеты: это не настоящая литература, это подделка! Вашему ребенку такие тексты не нужны.

Конечно, есть тут «тихая пристань» – классика. Андерсен, Перро, Маршак. Но надолго их не хватит. Как же все-таки ориентироваться в современной литературе, если имя автора вам ничего не говорит?

Ведь то, что текст нравится нам, взрослым, еще не значит, что он понравится детям. У детей совершенно особое восприятие – и жизни, и литературы.

Главное отличие хорошей детской литературы от литературы для взрослых известно всем – это острый сюжет. Детям нужны напряженные увлекательные события – иначе их внимание «не держится» на чтении.

Дети не реалисты. Они символисты, сюрреалисты, абстракционисты. Дело в том, что реализм – это какая-то довольно поздняя стадия развития.

Поэтому произведения для детей не должны быть «реалистичными» (в нашем понимании: то есть отражающими нашу жизнь, как она есть). Хороший детский автор исходит из идеала, а не из того, что есть: он пишет правду о человеке – но не о том, какой существует сейчас, а о человеке, каким он ДОЛЖЕН БЫТЬ. Поэтому главный герой текста для детей – всегда положительный герой. Поэтому добро в них всегда торжествует – потому что так *должно быть*.

Литература *для* детей и литература *о* детях – это разные вещи. Не следует думать, что ребенка интересует только такой текст, главные герои которого дети. Читатель-ребенок отождествляет себя с героем-ребенком, только если этот герой умнее, смелее, удачливее всех взрослых (как в «Острове Сокровищ» Стивенсона). Но если благородный, добрый и смелый герой – взрослый, это ничуть не помешает маленькому читателю его полюбить.

Наконец, взрослые любят читать о том, что уже знают (приятно чувствовать себя умными и эрудированными), а дети – о том, чего не знают. Их привлекает неизведанное, таинственное, фантастическое.

Вот этим и отличаются тексты для детей от текстов для взрослых. Они не упрощенные, не идиотически-примитивные («птичка это птичка, птичкой суп едят; а крыска это крыска, у крыски сто крысят») – они ДЕТСКИЕ: яркие, остросюжетные, фантастические, с четким разделением добра и зла. Они *особые*, – но написать хорошую книгу для детей ничуть не легче, чем для взрослых.

О «раннем развитии»

Если бы какой-нибудь высококультурный европеец, живший лет так 250 тому назад (например, Гёте или Вольтер), очутился бы вдруг в нашем времени, то, пожалуй, больше всего его удивило бы наше отношение к детям. И особенно – к маленьким детям. То, какое внимание им сейчас уделяется, сколько взрослых – квалифицированных профессионалов – заняты обучением, развитием совсем крошечных детей.

Это культурное достижение человечества, и одно из главных. И в то же время это большая проблема современных родителей. Потому что почти все они понимают: ребенка надо развивать. Но пока еще чаще всего плохо понимают, что именно и как нужно развивать у маленького ребенка.

Глебу три с половиной года. Его учат читать с помощью кубиков Зайцева: родители водят его на специальные занятия, конечно, далеко не бесплатные. Еще он ходит в кружок «Пифагоровы штаны». Еще – в студию «Домисолька»: развивает свои музыкальные способности. Через год начнет заниматься английским: это уже решено.

Я с Глебом не знаком, но часто его вижу: преподаю в той самой негосударственной школе, где Глеб «развивается по Зайцеву». Занятия эти происходят в соседнем классе: все слышно. Учительница все время повторяет: «Мо-ло-дцы! Ой, какие молодцы!.. Молодец, Глеб! Молодец, Максимка!.. Ах, какие умницы!» – и так без конца, фальшивым сладеньким голосом, по всякому поводу: произнесет ребенок один слог правильно – и тут же его засыпают похвалами. На занятиях присутствуют родители, и, видимо, преподавателю очень хочется им понравиться.

После занятия мама или папа «в предбаннике» одевают сына. Он никогда не одевается и не раздевается сам. Я в это время в канцелярии заполняю журналы, дверь всегда открыта: мне хорошо видно все, что там делается. Родители Глеба – люди очень солидные, в меру упитанные, серьезные; на лицах – сияние самодовольства, сознание своей важности и значительности. Уж не знаю, кем они работают, но люди они – по современным меркам – весьма успешные.

Сын у них тоже крупный, хорошо кормленный, мясистый, краснощекий. Но физиономия у него неприятная, даже противенькая: всегда с выражением пресыщенности и брюзгливой вредности.

Когда его одевают и раздевают, он порой ни с того ни с сего начинает молотить кулаками по лицу мамы или папы. Но родители – люди выдержанные: никогда ребенка не одернут, не прикрикнут – подержат за ручки, объяснят: «Ой, как некрасиво! Разве так можно себя вести? Перестань сейчас же!» Сын никакого внимания на эти слова не обращает.

Как-то рядом с Глебом примостился совсем маленький мальчишечка: у него была игра-конструктор, что-то он там собирал. Глеб заинтересовался, подошел, по-хозяйски сгреб все детали, передвинул на свою сторону. Мальчик потянулся было к своему конструктору, – тогда Глебушко, выпятив нижнюю губу, изо всех сил толкнул его и стал садить руками и ногами, да так сильно, злобно! Малыш заплакал.

Мама с трудом оттащила сына, причем, и ей попало несколько раз. Вернула игру владельцу. Но только чуть отвернулась, сынок схватил спорную вещь, сбросил на пол, наступил ножкой. Раздался треск. Мама снова схватила сына, стала ему выдержанно и спокойно объяснять, почему так себя вести нельзя. Он, набычившись, отвернулся, бросая злобные взгляды на противника и, конечно, не слушая, что ему говорят.

Еще я заметил, что этот ребенок никогда не отвечает тому, кто с ним заговаривает: просто не обращает внимания – даже если это его мать или отец. Порой он произносит –

а часто и громко выкрикивает – отдельные слова и фразы, часто довольно неприличные: но без всякой связи с тем, что ему говорят. Добиться от него ответа можно, только если как-то его поощрить: что-то подарить, похвалить – он привык ничего не делать даром.

Ване тоже три с половиной. Он живет в деревне, где я отдыхаю каждое лето. Я хорошо знаю всю его семью (Ваня – четвертый по счету, а всего детей в этой семье пятеро) и самого Ваню. Ваня еще не учится читать, и даже его старшая сестра, шестилетняя Алена, тоже пока не читает, знает только отдельные буквы.

Зато Алена уже умеет срезать траву маленьким серпом, скирдовать сено, кормить скотину. Умеет окучивать картошку, поливать, удобрять и окапывать ягодные кусты. Прекрасно ориентируется в лесу, находит грибы лучше взрослых, собирает бруснику, землянику.

Ваня тоже уже многое умеет. Физиономия у него простецкая: нос-курнос, волосы как солома, рот до ушей, веснушки – но он чрезвычайно симпатичный, вроде подсолнуха. Очень любит помогать взрослым: и не просят его, а он обязательно притащит какое-нибудь угощение, что-нибудь интересное расскажет. Он всегда отвечает на все вопросы и сам задает множество вопросов. Готов выполнить любое поручение. Ужасно живой и шустрый, глаза горят от возбуждения и интереса к жизни. На любого нового человека смотрит с восторгом, как на инопланетянина, и ждет от него всяческих чудес.

Ваня тоже часто дерется, но, по словам Алены – его главной воспитательницы – никогда не начинает первый и охотно мирится. Он не только сам одевается и раздевается, но сам стелет свою постель, сам бегает по всей деревне и всюду сует свой нос. Надо сказать, ужасно любопытный нос!

Кто же из этих двух детей *более развитый*? Кому из них больше подходит модный ныне ярлычок «РАННЕЕ РАЗВИТИЕ»?

Еще несколько десятилетий тому назад трудно было себе представить родителей трех-четырёхлетнего ребенка, которые уже озабочены его развитием (т.е. развитием его интеллекта, памяти, отдельных способностей и пр.). Пока мал – был бы здоров и весел. Пусть пока играет – учеба от него никуда не уйдет. Так думали в «патриархальных» семьях.

В этом смысле мы живем в полном смысле слова в другую эпоху, в совершенно ином мире, в ином культурном пространстве, с иной системой ценностей. Сейчас «раннее развитие» считается нормой. Это обычно. Это, наконец, престижно.

Но всегда ли мы хорошо понимаем, что это такое – «раннее развитие»?

Появлению термина «раннее развитие» (а это научный термин, хотя одновременно и общеупотребительное выражение) мы обязаны замечательному человеку и педагогу, «заслуженному отцу» семерых детей, Борису Павловичу Никитину. Что же он имеет в виду, когда говорит о «раннем развитии»?

Оказывается, у Б. Никитина – это особая педагогическая концепция, специфический подход к воспитанию и развитию ребенка. Согласно этой концепции, нужно:

Создать для ребенка *как можно раньше* максимальное богатство возможностей для разнообразной деятельности. В распоряжении ребенка должны быть развивающие игры (не развивающие *что-то одно*, а развивающие многое), спортивные снаряды, зеленая полянка, куча песка, разнообразные «строительные материалы» (кубики, в том числе – с буквами и слогами; досочки) и пр., и пр. Т. е. «среда обитания» ребенка должна быть *максимально разнообразной*.

При этом, что и когда ему делать, чем заниматься – решает сам ребенок. Ребенок сам выбирает, что ему делать, как и когда делать. Начнет он интересоваться конструктором в 2 года – ну, что ж: возможно, это будущий Эйфель. Начнет в 5 лет – и это хорошо. В этом

понимании «раннее развитие» – это *своевременное* развитие, развитие, соответствующее индивидуальности ребенка, именно для него органичное.

Т.е. «раннее развитие» в этом смысле вовсе не антоним «позднему развитию». Это антоним *усредненному* развитию, когда слово «развитие» понимается как развитие одного и того же у всех детей одновременно. Антоним обезличенного безиндивидуального развития (без учета индивидуальности ребенка). «Раннее развитие» – это сугубо *индивидуальное* (совсем не обязательно такое уж раннее и стремительное) развитие.

Как видите, взгляды Б. Никитина возникли «по отталкиванию» от обычного «школьного» понимания развития, при котором:

Для детей искусственно создается замкнутая и однообразная среда, ограничивающая их возможности (школьный класс, где можно делать только что-то одно, все остальное запрещено);

Что делать и когда делать, за детей решает взрослый;

Притом все делают одновременно одно и то же: индивидуальность ребенка не имеет значения.

Б. Никитин сформулировал закон – он назвал его законом необратимого угасания возможностей эффективного развития способностей (сокращенно – НУВЭРС) – который состоит в том, что если не предоставить ребенку КАК МОЖНО РАНЬШЕ самые разнообразные возможности для деятельности, то какие-то его способности, имевшиеся от рождения, «необратимо угаснут». Вот в чем смысл «раннего развития»!

И вот мы дожили до такого счастливого времени, когда очень многие родители занимаются «развитием» своих чад чуть не с пеленок, водят их на различные курсы, в школы. Если Алла Пугачева все еще поет, что «нынче в школе *первый класс* вроде института», то она безнадежно отстала от жизни: нынче все дошкольное детство – «вроде института».

И вот что любопытно: одним из первых авторитетных педагогов, выступивших с резким протестом против подобной общественной практики, оказался Б. Никитин! Казалось бы, его идеи «пошли в массы»: радоваться надо. Ничего подобного!

Все дело в том, что обыденное понимание «раннего развития» не имеет ничего общего не только с концепцией Б. Никитина, но и вообще с педагогикой (и даже – вообще с подлинной человеческой культурой). В обыденном понимании «раннее развитие» – это просто *сдвигание* возраста начала обучения *школьного типа «вниз»*, к самым первым годам жизни ребенка.

Между тем, любой мало-мальски грамотный специалист, педагог или психолог, и даже любой приличный студент пединститута 2 курса скажет вам, что классно-урочное обучение не годится для маленьких детей в принципе, что *таким способом* научить чему-то ребенка дошкольного возраста нельзя, и нельзя его «развить».

Все дело в том, что «раннее развитие» – это прибыльный бизнес. Затрат самый минимум, а прибыль очень значительная. Это все и объясняет.

Ведь мы же покупаем очень много такого, что, в сущности, не только не нужно для жизни, но и создает дополнительные проблемы: но мы покупаем это, платим деньги, приобретаем этим пользоваться и уже не можем без этого обойтись.

Такова особенность современного общества: кто-то приобретает что-то очень часто не потому, что это нужно *покупателю*, а потому что нужно *продавцу*. Нужно, чтобы получить прибыль.

А дети – это просто жертвы. Жертвы нашего безумного взрослого мира. Заложники нашей глупости, нашей внушаемости, нашей манипулируемости. «Вкладывайте в образование своего ребенка» – это формула внушения. Такой массовый гипноз, опять же очень характерный для Общества Потребления, в котором мы живем.

И вот ему нужно уметь не поддаваться. То, что ребенок сидит на каких-то ужасно развивающих занятиях, на каких-то курсах – совсем не значит, что он развивается. То, что ребенок копается в песочке, глазет в окно или просто с философическим выражением лица ковыряется в носу – не значит, что он не развивается. Наукой пока не установлено, какие подвижки в развитии ребенка дает процесс ковыряния в носу, но я уверен, в будущем это обязательно установят. И, может быть, кто-то еще получит за это какую-нибудь премию.

Так кто же у нас более развитый: Ваня или Глеб? Конечно, Глеб *раньше* научится читать. Но будет ли он *любить чтение*? Ванины жизнерадостность, огромный интерес к миру и людям тоже ведь чего-то стоят. А как быть с нравственными качествами: у кого из них больше шансов стать хорошим человеком? Или это в эпоху «рыночных отношений» совсем не важно?

Иногда мне кажется, что некоторые родители покупают своим детям «раннее развитие» так же, как они покупают себе машины и компьютеры: что дороже, престижнее – то и лучше. Но всегда ли это так?

Умейте быть самостоятельными и независимыми и не поддаваться массовому внушению. Это нужно и вам самим – но особенно вашему ребенку.

Впрочем, все сказанное не означает, что любые «коммерческие» развивающие программы – плохие. Дело не в этом, конечно. Есть много очень даже интересных и полезных курсов и программ для малышей. Дело в нас, взрослых, у которых есть дети. Нам нужно избавиться от иллюзии, что развитие своему ребенку можно КУПИТЬ. И только тогда мы сможем понять, что же нужно нашему малышу, а что нет.

Материнская власть

История человечества насчитывает сотни людей, имевших огромную власть. Царей, императоров, полководцев, генеральных секретарей, президентов, премьер-министров. Почти все они мужчины.

И в то же время на Земле жили и живут сотни миллионов женщин, имеющих гораздо большую власть. В их руках сосредоточена власть абсолютная, безграничная: такая, какую только может иметь один человек над другим человеком. И это никакой не парадокс, и никакая не загадка. Просто у этих женщин есть дети – или хотя бы один ребенок.

Возвращаясь с работы, я каждый день прохожу через огромный современный двор-колодец. Вокруг – огромные дома. В самом центре двора – детская площадка. Иногда останавливаюсь понаблюдать за детьми.

Как-то я вот так остановился: мне понравилась маленькая девочка. Я ее сразу окрестил Красной Шапочкой: на голове у нее был вязаный чепчик ярко-алого цвета. Девчушка крохотная и кажется ужасно толстенькой из-за теплого комбинезончика вишневого цвета, поверх которого повязан шарф – так что малышка похожа на кулек, завязанный веревочкой.

На скамеечке две девочки постарше играют в магазин. У них картонная коробка, куча пластиковых бутылок разного калибра, набитых снегом, и фантики вместо денег. Вот фантики-то неудержимо привлекают Красную Шапочку: она остановилась рядом, глаза широко раскрыты и даже язык высунула от возбуждения.

Но девочка тут не одна, с мамой. У мамы лицо совершенно детское: такая совсем молодая мама. И вот мама решила, что пора уходить.

Сначала она зовет ребенка, стоя в 3—4 метрах от него. Та не реагирует. Мама повышает голос, но тон у нее какой-то неуверенный: девочка показывает, что слышит, машет ручками – дескать, отстань, видишь, я занята важным делом!

Тогда мама подходит и пытается дочку поймать и увести: не тут-то было. Т.е. ребенку-то года 2 и поймать его ничего не стоит, но наша юная мама такая солидная: двигается она медленно, стараясь не уронить своего достоинства взрослого человека. Бегать? За ребенком? Никогда! – такой у нее вид.

Красная Шапочка удрала от мамы-волка. Довольна, конечно. О фантиках, кстати, она уже забыла: ее увлекла новая игра в Волка и Красную Шапочку.

Мама слегка растеряна. Постояла, глядя в сторону, будто это вовсе и не ее ребенок. И придумала! И говорит:

Ну, ты остаешься? Оставайся! А я уйду!

Очень твердо сказала. Повернулась так демонстративно спиной и пошла. Но медленно.

Потом все-таки остановилась, оглянулась. Девочка застыла, смотрит на нее расширенными глазами, но с места не двигается. Мама – ей, очень громко:

Я уйду от тебя! А Катя остается одна! Без мамы! Мама уходит совсем!

И пошла-пошла, решительно так, быстро и уже не оглядываясь. Дошла до прохода между домами и там остановилась.

Боже, что было с ребенком! Как она рыдала, как кричала; упала на снег, дрыгает ручками и ножками, будто пришел ее последний час. Но мама явно решила проявить твердость: стоит – правда, со смущенным выражением лица – и упорно ждет капитуляции противника.

Не знаю, чем бы это кончилось: ребенок просто заходился от крика, уже хрипеть начал – но тут не выдержал я. Подскочил к девочке, схватил ее в охапку и бегом к маме. А та – бегом ко мне! Видно, подумала, что я ее дочку хочу украсть.

Я ей ничего не сказал: только посмотрел на нее. Но она, кажется, мой взгляд поняла, потому что ужасно покраснела и опустила глаза.

Для ребенка нет ничего страшнее, чем остаться без мамы. И, конечно, такой маленький ребенок не понимает, что мама (да и любой взрослый) может намеренно его обманывать: обещать – но не сделать этого. Раз мама так сказала, значит она действительно уходит. Бросив ее одну! Навсегда!

Такой приговор равносителен приблизительно пожизненному одиночному заключению. За что можно получить такое наказание? За какое-то самое наитягчайшее преступление.

Если бы этой девочке сказали, что через десять минут весь мир взорвется, Земля расколется и все люди погибнут – она бы так не испугалась. Конечно, если бы мама была с ней.

Лучше пусть гибнет вся Вселенная, но чтобы мама была рядом. Мама важнее Вселенной, важнее всех людей, важнее Бога.

Нет, на Земле не существует такой роли, которая была бы хоть в какой-то мере сравнима с ролью Матери. Самый могущественный, самый влиятельный человек на Земле – это Мать.

Но как же осторожно нужно ей пользоваться своей невероятно огромной властью! Как хорошо понимать, что происходит в душе ее ребенка.

Одно слово, улыбка, прикосновение – и человек на вершине блаженства и счастья, душа его полна света, уверенности и покоя. Это может мать. Но она может и другое: одно слово, одно движение – и тот же человек падает в пучину отчаяния, ужаса, одиночества и безнадежности.

Я думаю, что мама Красной Шапочки, в общем, добила своего: дочка теперь будет ее *«панически слушаться»* – так это можно назвать. Вот только – какой ценой добила она этого послушания?

А ведь все было предельно просто. Чтобы увести ребенка, можно было:

Напомнить о чем-то приятном, что ожидает дома;

Побегать за ребенком и поймать его – в шутку, играя с ним, разумеется;

Просто подождать, пока он сам соскучится и подойдет.

Вот и все. Так просто.

Власть – она ведь бывает разная. Бывает строгая, но разумная. А бывает деспотическая. Когда тот, кто имеет власть, хочет добиться послушания во что бы то ни стало. И чаще всего – от неуверенности в себе. Боится, что иначе его не станут слушаться.

Он боится – и потому ему хочется, чтобы его боялись. Боялись еще больше, чем боится он сам.

Много есть должностей, которые не так-то просто занять. Сначала нужно долго учиться, готовиться, набираться опыта. И только потом – если ты сумеешь, если тебе повезет!

А «должность» Матери? Самая-самая ответственная! Ее может занять любая девчонка. Без всякой предварительной подготовки.

Вот почему не могу я осуждать маму Красной Шапочки, не виновата она. Разве ее кто-то учил быть Матерью?

Но, может быть, она все-таки задумается? И поймет, какая огромная ответственность на ней лежит...

Когда-то было хорошо сказано: «Если ты погубил одного человека – это все равно как если бы ты погубил целый мир. Если ты спас человека – это все равно как если бы ты спас весь мир».

Мать – это как Бог. Потому что маленький человек – как и всякий вообще человек – это целый мир. И этот мир – полностью в ее власти.

«Кибердетки»

Часто (и с годами – все чаще) приходится слышать: «Мой (моя) только и знает: видик да компьютер!» «Играет в эти компьютерные игры часами! Что он (она) в них находит?» «Хоть бы книжку почитал!» – и т.д., и т. п.

Действительно, мы оказались педагогически неготовы к «эре технического прогресса». Мы покупаем телевизоры, видеомagnитофоны, компьютеры: мы современные люди, боимся отстать от своего века. Но потом с ужасом замечаем, что эти сложные технические игрушки ПОДЧИНЯЮТ СЕБЕ НАШИХ ДЕТЕЙ. Ребенок играет в компьютерные игры и смотрит телевизор *все свое свободное время*: он не читает, не общается, ничего не делает. В результате – не развивается, и даже по сути не живет!

И родители, крайне обеспокоенные, спрашивают: что делать?

Почему компьютерные игры и видеофильмы (а в данном случае это почти одно и то же) так привлекательны для детей? Дело в том, что ребенок – существо духовно слабое, не уверенное в себе: в реальном мире он пока чувствует себя некомфортно. Реальность – материальная и социальная – требует знаний, умений, терпения, мужества и силы. Тогда ты будешь успешен, будешь хорошо себя чувствовать. Реальный мир предъявляет человеку жесткие требования, а дети им пока не соответствуют.

В мире же виртуальном можно получить максимальное удовлетворение без всяких усилий. Ты убиваешь всех своих «врагов»: ты мудр и всемогущ, ты супермэн! И при этом – ни за что не отвечаешь.

Ведь, *играя, мы испытываем настоящие чувства*: это всем известно хотя бы по собственному опыту. Если игра представляет собой имитацию войны, убийства, то играющий испытывает злобу, ненависть, садистскую радость. Попробовал бы он дать себе волю в реальной жизни! Тюрьма ему пока не грозит, но есть многое другое, для ребенка очень неприятное: гнев родителей, наказания. А в мире виртуальном можно все: и об этом никто не узнает, не накажет.

Здесь можно «быть» кем угодно, делать что угодно – без всякого труда и без всякой ответственности. Вот почему этот «антимир» так привлекает детей.

Что же происходит с душой ребенка, полностью ушедшего в «антимир»? Во-первых, начинают ослабевать внутренние «тормоза», блокирующие деструктивные импульсы: те, что не одобряются людьми и собственной совестью. Импульс теперь сразу превращается в действие: эта привычка вырабатывается в условиях длительного «КАК БЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ» в виртуальном мире.

Во-вторых, такой ребенок, чтобы удовлетворить любые свои потребности, БОЛЬШЕ НЕ ХОЧЕТ ДЕЛАТЬ НИКАКИХ УСИЛИЙ: это тоже привычка, вынесенная из «компьютерного зазеркалья». Он хочет все получать «за так»: без труда и усилий. И ему кажется, что он имеет на это право.

Он уже не хочет читать. Почему? Потому что *чтение – труд души*, и труд немалый. Писатель дает только отдельные черточки, штрихи – остальное нужно ВООБРАЗИТЬ, чтобы было интересно. А это труд! Нужно думать, пытаясь понять мотивы героев – и это труд! Нужно по знакам (а слова – это всего лишь знаки, условные значки) отгадать все те реальные вещи, предметы, события, характеры, которые описывает автор: нужно догадываться о массе оттенков в значениях, связать эти значения между собой, совершая огромную работу по раскрытию смысла текста – а иначе будет неинтересно читать!

Вот почему ЧТЕНИЕ РАЗВИВАЕТ. Развитие происходит, когда человек делает усилия, трудится, «потеет». Причем, добровольно – по своей охоте!

А «теледетка» уже отвыкла от душевного труда. Это как лентяй, полгода пролежавший на диване: пригласите-ка его на прогулку! Ни за что не пойдёт! Для него то, что обычно и естественно для всякого нормального человека, – это тяжелый мучительный труд.

Так что же: сломать компьютеры и телевизоры, отказаться от них? Но этого мы сделать не можем. Значит, нужно «выработать иммунитет». Чтобы к тому времени, когда ребенок начнет самостоятельно пользоваться телевизором, видеком, компьютером, он уже не мог заболеть «виртуальной наркоманией».

Что же нужно делать?

Во-первых, развивать воображение детей. Если у человека воображение хорошо развито, он почти наверняка полюбит чтение: как мы уже заметили, чтение художественного текста – это всегда работа воображения: это очень интересно, увлекательно, но: если воображение «тренированное»!

Как его развивать? Фантазировать вместе с ребенком! Вот снежинки падают с неба. МАМА. «А откуда они падают?» ДИМА. «С Луны!» МАМА. «Ты думаешь? Здорово!» ДИМА. «Они там живут... всегда!» «У них там есть домики?» «Нет. Они живут в таких... норках!» «Ах, в норках! Что же, они их роют?» «Нет. Там они есть... просто так есть... и все!» «Норки?» «Ага!» «Они глубокие?» «Ну, так... чуть-чуть глубокие...» «Там темно?» «Ага!» «Бедные снежинки! Как им там темно, холодно – правда?... И вот одна снежинка сказала: Давайте полетим на Землю! Смотрите, какая Земля большая, зеленая, светлая! Там, наверное, тепло и хорошо...» «Нет, дай я, я скажу!.. И они полетели, полетели... полетели...» «Вокруг была черная ночь!..» «Нет, дай я... И они скоро прилетели...» «К Диме!» «К Диме!» «Конечно! И легли на подоконник Диминого окна. И сказали: «Ой, кто это?» «Это Дима!..»

Это запись разговора с трехлетним мальчиком: сначала он занимался в кружке «Сказочный мир» (где учат **не слушать** сказки, а **сочинять** их), а потом с мамой дома. Дима почти гарантирован от «виртуальной заразы», потому что он *любит фантазировать*, убежден, что это очень увлекательное занятие.

Мама Димы на прогулке всегда разговаривает с ним о том, что они видят. Почти все дети, даже гораздо старше Димы, знают всего 5—6 названий цветов (красный, синий и пр.); примерно столько же слов, обозначающих человеческие чувства. А Дима знает слова «лиловый», «сиреневый», даже «медовый» (есть такие деревья: у них ствол медового цвета!). Знает названия множества растений. Знает, что такое «недоумение», «беспокойство», чем «беспокойство» отличается от «страха». Ему интересно жить, ему интересен окружающий мир, и значит, будут интересны книги об этом мире. А думать, понимать – уже привычное для него занятие.

Вот другой пример: девочка Лана. Ее в три года начали учить читать. Научили. То есть она освоила технический навык. В шесть лет она бегло читала на уровне 5 класса средней школы. И что же? Читать она не любит! И, конечно, не читает.

К сожалению, многие родители не понимают, что *мотивация важнее технического навыка*: важнее, чтобы ребенок **ЛЮБИЛ ЧИТАТЬ**, – а **УМЕЕТ ЛИ ОН ЧИТАТЬ** – менее важно. Поэтому все внимание уделяют обучению техническому навыку, выучивают – после чего ребенок **НЕ ЧИТАЕТ**: не хочет! А нужно было бы **сначала УВЛЕЧЬ ЧТЕНИЕМ**, привить любовь к чтению.

Вместо этого часто, видя, что чадо совсем не читает, его «усаживают за книгу»: попросту *заставляют читать* – и тем самым неизбежно *отучают от чтения*!

Чтобы ребенок сам читал, любил книгу, нужно своевременно (т.е. до того, как он научится читать!) увлечь его языком, словесным творчеством. Поиграть с ним в игру «Отгадай, что это» – например, так: «Это похоже на сверкающие искорки – что это?» (это снежинки). «Это похоже на кусочек сыру» (Месяц). Или так: «Что такое колоток?» (Молоток)

«Кто такая рыжка?» (Белка: она же не белая, а рыжая!). Сравнения, словотворчество (придумывание слов, которых нет в языке) – это художественные средства, которыми пользуются писатели: освоив их еще до начала самостоятельного чтения, ребенок в мире книг будет чувствовать себя как дома.

Известный педагог и детский поэт В.А.Левин доказал, что *нормальное литературное развитие ребенка идет от сочинительства к самостоятельному чтению!* Да, да! Ребенок сначала «становится писателем», а уже потом – читателем! Прежде он играет с художественными средствами родной речи, занимается словотворчеством, не подозревая, что все это «детали», «винтики» художественного текста. Прежде он фантазирует, сочиняет – и только потом начинает читать!

В этом случае ребенок сразу начинает читать *активно*. Если же его «закармливают» сказками, приучая пассивно слушать чье-то чтение, *потреблять* его, то это почти ничего не дает для развития.

Наконец, почему бы не постараться пробудить у малыша интерес к людям, к их характерам, психологии? Обсуждать с ним поведение разных людей: пусть он попробует догадаться, почему разные люди ведут себя по-разному. Ведь это очень интересно! А кто интересуется людьми, тот всегда любит читать.

Кроме того, к «погружению в виртуальный мир» гораздо более склонны *одинокие дети*. Дети, которым не с кем играть и общаться. Если же у ребенка есть друг, подруга, есть свой круг общения, он вряд ли променяет его на «как бы жизнь», когда столкнется с ней вплотную. Так что стоит об этом заранее позаботиться.

А еще сейчас масса детей, у которых очень занятые родители. Родителям некогда полноценно общаться с ребенком, дружить с ним. Родители для малыша – фактически неблизкие люди. А еще: очень много стало «заорганизованных» детей. Утром у ребенка садик, потом школа или какие-то специальные занятия, чем-то он еще занимается дома, в каких-то кружках: это все *за него решили взрослые*, а он вынужден подчиняться. Но человек так устроен, что может хорошо себя чувствовать только тогда, когда действует ПО СОБСТВЕННОЙ ВОЛЕ, самостоятельно. Ребенок, измотанный «развивающим» принуждением, хватается за первое, что у него есть под рукой, чтобы все-таки почувствовать себя человеком, личностью: и это часто оказываются компьютерные игры. Это он выбрал сам, в игре он все делает сам.

Многие родители не понимают, что личностное развитие важнее функционального (т.е. развития памяти, мышления, отдельных способностей), а происходит личностное развитие только при самостоятельной активности ребенка.

Так родители, конечно, «не ведая, что творят», своими руками «расчищают дорогу» «компьютерной заразе».

А что ребенок умеет делать? Вернее: что ему **нравится** делать? Рисовать? Собирать конструктор? Что-то мастерить из пластилина? Лазить и кувыркаться? Все это интересней пребывания «в антимире». Но пусть у него будет возможность найти, открыть то, что он любит делать – открыть *как можно раньше*.

Все-таки, как быть, если ваш ребенок «уже заболел»? Не заставлять читать! Тем самым вы отвратите ребенка от чтения! Не запрещать играть в компьютерные игры (может быть, ограничить во времени, не более того, – но и это аргументировать «не педагогически»: например, тем, что слишком много приходится платить за электроэнергию)! Тем самым вы сделаете их еще привлекательнее! Делать, в общем, то же самое: пытаться увлечь фантазированием, языковыми играми, побольше общаться с ребенком на разные темы – и пр., и пр. И запастись терпением: «излечение» – процесс длительный, гораздо более трудный, чем «профилактика».

Бурьян растет там, где никто не позаботился посадить культурные растения. Просто «свято место» в душе ребенка не должно быть пусто. И тогда бояться за него не придется: для такого ребенка компьютер и видик не станут «кровожадными идолами», а будут тем, чем и должны быть: техническими приспособлениями, обслуживающими наши потребности.

Техника вообще что-то делает *за нас*. Для того и предназначена. Но НЕ ВСЁ она должна делать за нас. Не жить за нас. Пусть она делает кое-что: выполняет технические операции – чтобы освободить наше время для творчества, для подлинной человеческой жизни. Тогда она будет на своем месте.

«Теледетки», «компьютерные детки» – это дети душевно больные. Но не компьютеры и видеки виноваты в том, что они заболели. В сущности, этих детей все равно нельзя считать здоровыми: они одиноки, у них нет любимого дела, они не любят и не умеют мечтать, фантазировать. Их души – это духовные пустыри, где прорастает и цветет буйным цветом любое «злое семя».

Просто нужно вовремя – начиная с раннего детства – «засадить» их души «полезными растениями», ухаживать за ними, пропалывать и поливать. Тогда и «урожай» будет соответствующий.

«Я – хороший!»

Все дети совершают так называемые «плохие» (с нашей, взрослой, точки зрения) поступки. Дерутся, обижают животных и друг друга, надоедают взрослым, кричат, говорят неправду, не едят манную кашу. Что в этом случае делать нам, взрослым? Понятно, рецепта на все случаи жизни – нет. Но есть тем не менее некоторые очень простые правила, которые лучше соблюдать всем и всегда.

Кольке три с половиной. На вид это не ребенок – ангел: светлые мягкие волосики, большие наивные, как у котенка, глазки. Этакое дитя с журнальной обложки.

Колькина мама – моя бывшая студентка (педагог по профессии, между прочим). И вот как-то вечером, очень поздно, – звонок. Какой-то – очень тревожный!

Вадим Ильич? Это говорит Оксана...

А! Доброй ночи, Оксана!

Ой, извините, ради Бога: я так поздно... Я насчет сына хотела поговорить. Можно?

Очень даже можно... А что – хулиганит, значит, помаленьку?

Нет – еще хуже!.. Лучше я вам все по порядку расскажу... Понимаете, ему уже три с половиной, я полгода как вышла на работу, в школу: отвыкла, устаю. Как-то вечером пришла, целый день не была дома, еле дышу. Только присела – Колька ко мне: а смотри, как я то делаю, а смотри, как это... Я ему: сынок, мама устала, оставь маму в покое. Он, вроде, отвызлся, но стал к кошке приставать. Дергает ее, теребит. Она от него удрала. Он за ней – тоже как кошка, на четвереньках. А у меня сил нет даже рот раскрыть. Ну, не поймал он ее, разозлился, схватил подушечку с дивана – и как швырнет прямо в кошку! Прямо изо всех сил! Бедная кошка завопила дурным голосом. А я его схватила, шлепнула – и в сердцах говорю: «Ты нехороший, злой мальчик! Только злые дети обижают животных! Иди в другую комнату – не хочу тебя видеть!» Вытолкала его в другую комнату и дверь заперла...

Теперь слушайте дальше... Сегодня вышла с ним во двор. Он какой-то нахохленный, унылый. Сажу на скамеечку, Колька копается в песочке – все хорошо. Тут принесла нелегкая еще одного мальчишку, его примерно возраста. У того красивая машина. Коля посмотрел-посмотрел – и взялся за эту машину, к себе тянет. Тот не дал. И вдруг он как набросился на того мальчишечку, с такой яростью! Я ничего подобного у него раньше не видела! Если бы мог – он бы его убил, честное слово! Я его еле оттащила.

Думаете, это все? Самое интересное – за ужином. Сидим, едим. Колька пролил на стол ложку каши. Я хотела дать ему тряпку – вытереть, а он вдруг прямо ручкой – цап! – и сбросил эту кашу на пол. Прямо у меня на глазах! И что меня больше всего поразило: на мордахе у него – не злость, ни каприза никакого – а какое-то затравленное выражение, представляете? Как будто он заранее ждет, что его накажут... Так зачем же он это сделал? Мы с ним не ссорились, он не злился – значит, не назло. И не было раньше у нас такого никогда...

– А было раньше у вас такое, чтобы ты ему говорила, что он – плохой?

На том конце провода – тишина: задумалась Оксана. И говорит:

– Ой, не помню... Наверное, не было...

– Ну так в этом все дело. Он просто тебе поверил – понимаешь?.. Поверил, что он плохой. А раз я плохой, то и должен себя плохо вести – чтобы оправдать мамины ожидания. То есть он не сознательно так рассуждает – где ему: мал еще – это все на уровне подсознания. Понимаешь?

– Если честно – не очень...

– Ну вот скажи: есть какой-то человек, которому ты всегда безоговорочно верила в детстве?

– Мой отец... Я ему и сейчас так же верю...

– Ну вот: а Колька так тебе верит. Как и любой ребенок его возраста: ведь ты его мама! Вот он и поверил тебе! Тем более, ты так темпераментно и убедительно ему объяснила, что он плохой...

– А-а... да, я теперь понимаю... Выходит, сама, дура, виновата...

– Виновата ты сама, но не в «дурости» тут дело. Просто ты забыла, что ребенку нельзя говорить, что он плохой – ты же это знаешь?

– Знаю...

– Но в тот момент – забыла.

– И что теперь – что теперь мне делать?

– А теперь – убеди его, что он хороший. Если он себя ведет плохо, огорчайся – покажи ему, что ты расстроена, и не забудь сказать: «Коля! Ты такой хороший мальчик, такой добрый – и так себя ведешь! Я этого от тебя не ожидала!» Если что-то хорошее сделает, не забудь гордо улыбнуться и сказать: «Какой ты хороший человек, Коля!»

– Вадим Ильич, вы надо мной смеетесь?

– Ну, что ты, Оксана, бог с тобой!.. Понимаешь, ребенок узнает о том, какой он, от нас, взрослых – да, да! И, прежде всего, от родителей, а маленькие – конечно, от мамы... Вот он и узнал... Конечно, это у него еще будет продолжаться какое-то время, но – если ты будешь вести себя правильно – постепенно пройдет. Ты только ему искреннее говори, что он хороший: ты ведь именно так думаешь о нем на самом деле, правда?

– Ну, еще бы!.. Ну спасибо вам: если бы не вы, я бы так и не поняла, какая я идиотка...

– На здоровье!

– До свиданья!

– Спокойной ночи!

В следующий раз Оксана позвонила нескоро: прошел почти год. Пришлось ей мне напомнить, о чем мы говорили тогда.

– Ну и как он сейчас, Колька?

– Так вы думаете, почему я вам позвонила? Я же себя корю: мне Вадим Ильич помог, надо позвонить – хоть поблагодарить – и все забывала...

– Значит – пациент пошел на поправку?

– Что вы! Он в сто раз здоровее меня!

– Да ну?

– Не верите? А вот послушайте – я вам как раз хотела рассказать. Вы не знаете, где я работаю? Прямо возле дома. Хоть в тапочках в школу ходи! Из окон моего кабинета видны окна нашей квартиры – где-то метрах в пятидесяти всего. И вот, представьте себе, я в школе, уже лето, готовимся к экзаменам, собираюсь домой – а тут хлынул страшнейший ливень: льет как из ведра. А я зонтик забыла. Ужасно не люблю мокнуть! Звоню домой – говорю: «Сынок, я задержусь: у меня нет зонтика. Пока проверю тут тетради, дождь кончится – приду. Не скучай!» И положила трубку... Что вы думаете? Через десять минут он прискакал – с зонтиком! Вы представляете?

– Вполне представляю...

– Ведь я его не просила ни о чем! Какой он все-таки действительно у меня замечательный – вы были правы! А я-то дура – не понимала!

– Да, он у тебя замечательный. Да и ты сама – не лучше... То есть, тьфу, что это я говорю: не хуже!..

На самом деле, конечно, все дети – замечательные, и все родители – тоже замечательные. А так как человечество, в основном, состоит из детей и родителей, то отсюда следует, что все люди – замечательные!

А если говорить уж совсем серьезно, то *ребенка формирует наше мнение о нем*. Не только это – но это в том числе, а иногда и – главным образом.

По отношению к своим детям мы – как Боги. Наше представление о ребенке действительно делает его таким, каким мы его себе представляем. Причем, без всяких особых усилий с нашей стороны.

Говорят же теологи и философы-идеалисты, что Бог есть дух, и Он как захочет – так все и становится. Просто оттого, что Он так захотел. Вот и мы так! Но, правда, только по отношению к своим детям.

Если говорить о взрослых, то тут наше мнение о них определяется тем, какие они: их поступками. Если говорить о детях – особенно, своих! – то тут все наоборот: то, какими они станут (а пока они никакие – или всякие), определяется нашим мнением о них.

Так что ребенок должен точно знать от своих мамы и папы, что он – хороший! Без всяких сомнений! Непреложно! Доказано и подписано. И скреплено печатью.

У ребенка никаких сомнений в этом не должно быть.

Вот только – нельзя притворяться: дети в этом смысле – просто феномены, причем все поголовно: притворство распознают моментально. Говорить ребенку, что он хороший, нужно искренне: потому что вы действительно так думаете.

Значит, не в том секрет, чтобы периодически докладывать своему чаду: «Ты, чадо, хо – ро-шее!» А в том, чтобы на самом деле так думать и так чувствовать. И тогда – можно даже ничего и не говорить, или сказать один раз. Ребенку этого будет достаточно.

Вы знаете, почему в мире все еще так много преступников, людей асоциальных, опасных для окружающих и несчастных? Потому что в детстве их уверили, что они – плохие. Не только поэтому, но и поэтому тоже; а может быть, и главным образом – поэтому.

Человек же, который твердо убежден, что он хороший, готов из кожи вылезти, чтобы только доказать самому себе и окружающим, что это действительно так: не разочаровать себя в этом. Вот откуда берут начало ручейки чувства чести, собственного достоинства, высокой нравственности.

«Я – хороший!» Значит, должен вести себя хорошо.

Вот почему о конкретном поступке ребенка можно высказываться весьма нелицеприятно – в том числе, и ему самому об этом говорить. Но О САМОМ РЕБЕНКЕ как о человеке ни в коем случае ни при каких обстоятельствах нельзя говорить, что он плохой. А тем более – ему самому так говорить.

Иначе – рискуем получить то, что «заказали»: плохого человека.

А зачем он нам нужен, правда?

Когда негры загорают

Как известно, негры не загорают. Зачем им это? Они и так уж до того загорелые! А вот наши дети довольно часто вынуждены играть роль негров, которые загорают. Не по своей воле: это их так родители воспитывают. Причем, очень хорошие, заботливые, обеспеченные, а часто и весьма интеллигентные родители. Вы спросите: как же это так? Попробую объяснить.

Вите шесть лет. Ее мама и папа – люди с высшим образованием и с положением. Но ребенок у них один: некогда заводить второго. Тем более хочется дать единственной дочери как можно больше.

У Виты великолепно – для ее возраста – развитая речь: богатый словарный запас (она вполне уместно употребляет синонимы: говорит, когда нужно, вместо «пришла» – «при-тащилась», «приползла» или «прилетела»); она употребляет довольно длинные и сложные предложения; пользуется сравнениями («ползет, как гусеница» – сказала она недавно о девочке, которая на прогулке отстала от всех) и фразеологизмами. При этом – великолепная дикция: в пору телеведущей работать.

Мама нашла Вите учителя, который индивидуально занимается с ней... развитием речи! Учитель очень дорогой и хороший. Но гуляет Вита мало, она хилая, болезненная, тощенькая, бледненькая. В общении с малознакомыми людьми, и детьми, и взрослыми, застенчива, не уверена в себе. Может очень интересно мыслить и говорить, но несамостоятельна в поступках.

Вита еще занимается музыкой (ее мама – музыкант, и очень хороший). Ходит на кружок ИЗО. Конечно, давно умеет читать, и ей полагается каждый вечер читать не меньше часа, чтобы потом рассказать маме или бабушке прочитанное.

У девочки – явный перекося в развитии. Интеллектуально и функционально (с точки зрения развития отдельных способностей: музыкальных и т.п.) она развита великолепно, далеко опережает свой возраст. А вот ее личностное развитие отстает: отсюда неуверенность в себе в общении, несамостоятельное поведение, чрезмерное – «слишком детское» – послушание.

Да, слишком послушный ребенок – серьезнейший повод для родительской озабоченности, даже тревоги! Это очень плохо, когда человеку уже 6 лет, а он все еще ведет себя как четырехлетний – или даже как собачка: свистни ей – и она бежит, куда нужно хозяину. Для собачки это нормально, для ребенка – нет.

Вита плохо развивается физически, что так важно в ее возрасте, когда нужно бы заложить основы здоровья и силы на всю жизнь.

А между тем, ее умных, глубоко интеллигентных родителей это не беспокоит: они этого не замечают. И тратят все время, все силы ребенка на развитие того, что у девочки *и без того уже хорошо развито*. А то, что развито слабо, в чем ей нужно подтянуться, догоняя свой возраст, – не развивают!

Рассуждают при этом так: у нее есть речевые и музыкальные способности – значит, их и нужно развивать. А, скажем, спортивных данных – нет. Ну и не нужно ей это.

Почему так думают многие родители? Потому что *это действительно так для них самих – для взрослых*. Если взрослый человек физически слаб и болезнен, он не выберет спортивную карьеру: понимает, что ничего не добьется. Взрослый стремится делать то, в чем он силен: и это правильно.

Но то, что правильно для нас – неправильно для детей. Потому что *мы используем то, что уже развито, а ребенку нужно развиваться*. А это значит: строить в себе то, что еще не построено, но нужно для жизни.

В нашей стране сильно девальвировано понятие «гармонично развитый человек». Потому что под этим соусом советские идеологи протаскивали имперскую политику и вытекающее из нее неуважение к человеку, который должен был быть послушным винтиком государственной машины.

Но на самом деле ребенок действительно должен развиваться гармонично! А это значит, что развивать надо не то (или, во всяком случае, не прежде всего и не главным образом то), что и так уже неплохо развито, а как раз то, что пока развито слабо.

Раз негр черный, то зачем ему еще загорать? Пусть лучше займется развитием своей личности или интеллекта, если с этим у него проблемы!

Итак, есть *два подхода к человеку*, к тому, чем он должен заниматься в жизни: *потребительно-функциональный и развивающий* (педагогический или воспитательный). Первый состоит в эксплуатации того: тех качеств и способностей человека – что уже развито и что можно использовать, получая хороший внешний результат. Умеет быстро бегать – пусть бегают! А голова работает плохо? Ничего! Для бега она не нужна: тут главное – ноги. У него сильные руки? Пусть будет боксером!

У меня есть знакомый молодой человек, который с шести лет (сейчас ему 16) занимается велосипедным спортом. Совершенно замечательная фигура: могучие ноги и ягодицы, вздутые мышцы – и на этой нижней половине тела примостилась верхняя, маленькая и хилая: слабые ручки, тонкая шейка. Как будто двух людей: атлета и слабака – распилили пополам, а потом приставили друг к другу разные половинки.

Но дисгармоничность чисто физическая – как в данном случае – это ничто в сравнении с дисгармоничностью человеческого развития человека. Почему же у нас так часто получаются уродцы с чрезмерно раздутым интеллектом, но хилые физически – или наоборот: примитивные здоровяки? Да потому что мы привыкли эксплуатировать наших детей – вместо того, чтобы воспитывать их.

Вы скажете: как же – «эксплуатировать»? Вот родители Виты – они что за «эксплуаторы»? Они же вкладывают в ее развитие свои деньги?

Да! Но почему вкладывают именно в это? А потому, что хотят *побыстрее насладиться успехами* своего чада. Тем, что она *превосходит других детей* в том-то и том-то. И, надо сказать, достигают своей цели – в ущерб подлинному человеческому развитию своего ребенка. Не ведая, что творят, разумеется.

Кто неизбежно выиграет приз за самый темный загар? Негр! Вот только – что это ему даст? Станет он от этого лучше и счастливее?

Так что, давайте избавим наших бедных маленьких «негров» от трудов в поте лиц своих на плантациях, где мы возвращаем свое педагогическое честолубие – а заодно, незаметно для себя, растим и будущие проблемы своего ребенка, неизбежные для человека с явными перекосами в развитии.

Не к сиюминутным успехам стоит стремиться – а к той самой гармонии в развитии. К восполнению того, чего пока еще малышу не хватает.

И тогда он станет, может быть, не чемпионом и не выдающимся талантом, но зато человеком, полноценно развитым, у которого именно по этой причине гораздо больше шансов стать счастливым, чем у наших бедненьких «загорелых негрятят».

«Папа, купи!»

*Покупая ребенку новые вещи, родители обычно не видят в этом воспитательной проблемы. Есть деньги, есть возможность, малышу нужно, он очень просит – и покупка состоялась. Между тем, дети – в отличие от нас, взрослых, – находятся, так сказать, в гораздо более интимных отношениях с вещами, которые их окружают, а, в особенности, **своими** вещами. Более того, то, что у ребенка есть, чем он обладает, что считает своей собственностью, в большой степени влияет на него, в том числе и на его личностное развитие: воспитывает его. Принадлежащие крохе вещи могут формировать его характер, отношение к миру и к жизни, к окружающим людям – вот так серьезно! И это влияние может быть как положительным, так и отрицательным: все зависит от того, какие это вещи и при каких обстоятельствах их купили ребенку.*

Сашка – мой сосед. Ему 5 лет.

Как-то Сашка вышел во двор, гордый, как петух, с роскошнейшим автоматом в руках. Автомат – как настоящий: черный, страшный, с оптическим прицелом, а прицел и в самом деле настоящий. Стоит такая игрушка целое состояние: сашкин папа – человек небедный. Казалось бы, случайное обстоятельство. Но не так думают дети!

Сашка огляделся с самым надменным видом и заметил Дениску (6 лет). Дениска робко шел ему (вернее, *автомату*) навстречу.

Сашка очень громко сказал:

Это мой! Мне папа купил!

Дениска, только что сгоравший от восхищения, ответил тем не менее так:

Подумаешь! Мне еще лучше купят!

И отвернулся. Но долго не выдержал и, глядя исподлобья, попросил:

Дай поиграть...

Накось выкусь!

Дениска подумал-подумал: не подраться ли? Но потом все-таки отошел в сторону.

Какая знакомая всем, банальная сценка.

Почему же Сашка, добрый нежадный мальчик из обеспеченной семьи, не дал Дениске автомат? Наверняка на этот сложный психологический вопрос большинство взрослых ответит так: «Он еще маленький, он еще не понимает, как плохо быть жадным».

Представьте себе: ваш знакомый купил хорошую квартиру (машину, яхту?), показал ее вам; вы – ему:

Слушай, дай пожить немного, ну хоть пару лет: я тебе верну, честное слово!

Как думаете, даст?

А ведь для Сашки просьба Дениса почти равноценна этой: автомат для него сейчас – главная ценность, самое дорогое, что у него есть. Сейчас! Через пятнадцать минут положение может измениться. Но сейчас это так.

И все-таки он дал бы Дениске автомат, если уж не поиграть (сам еще не играл: он только куплен), то подержать – если бы Дениска так ему не ответил.

Дело в том, что *маленькие дети не отделяют своей собственности от самих себя*. Для ребенка то, что у него есть, чем он владеет – это часть его самого: для него «иметь» = «быть». Поэтому тот, у кого больше хороших дорогих вещей – это более важная и значительная личность. И наоборот.

Так что Сашка, выйдя во двор с автоматом и встретив Дениса, сказал не то, что он сказал. Он на самом деле, сам того не зная, сказал:

Смотри, какой я важный и значительный! Важнее тебя!

(Еще бы: у Дениса-то автомата – во всяком случае, *такого* – нет!).

А Денис ответил:

Неправда! Я скоро стану еще важнее тебя!

(Когда ему купят автомат еще лучше! А будет это... никогда. Потому что Денис из бедной семьи).

Понятно, такого поношения Сашка стерпеть не мог.

Денису надо было ему польстить, почтительно повосхищаться игрушкой, и, глядишь, он бы своего добился.

Но ничего, у него еще все впереди. Вот он станет взрослым и научится вести себя «правильно». Потому что, согласитесь, не только у детей такое странное отношение к собственности: у инфантильных взрослых тоже. А в нашей стране, например, таких большинство.

Но вернемся к Сашке. Папа, сам того не подозревая, **портит ребенка, покупая ему самые дорогие игрушки**. Если так будет продолжаться все его детство, результат может быть плачевным: мальчик навсегда уверится в своем изначальном превосходстве, ради которого ему ничего не нужно делать (это естественное превосходство: просто я лучше, важнее и значительнее – вот и все, и иначе быть не может).

С другой стороны, есть дети, у которых нет никакой собственности. То есть у них есть одежда, которую они носят, но делать с ней, что им хочется, нельзя: надето это на них – но это собственность их родителей. У них есть игрушки, но их нельзя портить: опять же, играют они, но собственники – не они.

Вот почему дети так любят подбирать всякую, с нашей точки зрения, дребедень: бутылочные осколки, камешки, гвоздики, отломанные кусочки чего-нибудь. Потому что взрослые на это не претендуют: это действительно собственность детей – в полном смысле этого слова.

А собственность ребенку нужна: с ее помощью он укрепляет веру в себя, строит свою личность.

Это для нас вещи отдельно, мы сами отдельно (если мы взрослые не только по возрасту, но и на самом деле). Для ребенка это не так. Ребенок, который ничего не имеет, у которого нет ничего *своего*, не только страдает от этого, но и не может полноценно развиваться как личность.

Это с одной стороны. А с другой стороны – вот такой автомат. Который без всяких усилий с его стороны ставит ребенка *над сверстниками*.

Вы спросите: а зачем же их делают? Чтобы получать прибыль. Спрос есть.

И он будет – до тех пор, пока существуют родители, не понимающие собственных детей.

Итак.

Ребенку обязательно нужны свои собственные вещи. Но: малыш **воспринимает как свое только то, с чем он, что захочет, то и сделает**. Красивенький костюмчик, который добрые родители купили крохе, но который *нельзя рвать и пачкать* – не воспринимается ребенком как свой.

Поэтому, пожалуйста, учтите: если вы хотите, чтобы ваш ребенок стал полноценно развитым человеком, у него должны быть вещи, *свои* в полном смысле этого слова – то есть такие, которыми он распоряжается бесконтрольно. Это *первое*.

Второе. Собственность ребенка не должна быть качественно хуже (более старой, рваной, дешевой и пр.), чем у его братьев и сестер, детей из детского сада, со своего двора. Потому что, если это будет так, то малыш неизбежно начнет воспринимать себя как менее значительную личность, чувствовать себя ущербным – в результате весьма вероятен комплекс неполноценности, который потом непросто будет преодолеть.

Третье. Если вещи ребенка качественно гораздо лучше, чем у всех окружающих детей, то может развиться другой, не менее опасный, комплекс – «комплекс инфанта», основанный на ощущении своего изначального аристократического превосходства над окружающими, – в результате – презрение к людям, эгоизм и т. п.

А вот такой вопрос: что делать, если ребенок очень просит какую-то вещь? Очень-очень просит: ноет, плачет, не может успокоиться? Не секрет: «денежные» родители в подобной ситуации, как правило, уступают маленькому тирану, просто чтобы отвязаться от него. Но вот такое поведение взрослых с воспитательной точки зрения – неправильно, даже опасно. Ребенок приучается выклянчивать то, чего ему хочется. Его требования будут неизбежно расти, и когда-нибудь родители не смогут купить ему желаемое: просто оно окажется слишком дорогим. В результате – тяжелая психологическая травма, обида, даже неприязнь к родителям, которые обязаны мне покупать все-все-все, что я хочу! А ведь – сами приучили.

Но: так же вредно – всегда отказывать ребенку. Родители могут уступить просьбам малыша, если:

*то, что он хочет, ему необходимо и полезно;
малышу давно ничего не покупали и это недорогая вещь;
такие вещи есть у большинства его сверстников.*

В остальных случаях наилучший вариант – мягкий, но твердый отказ. Кроха должен знать, что его родители – не волшебники, не джины из лампы Алладина, которые все могут; что кое-что купить можно, а кое-что – нельзя. В противном случае он потеряет всякое чувство реальности – к чему дети вообще склонны: будет ждать от окружающих удовлетворения всех своих потребностей и капризов, а при неудаче – переживать глубокую обиду. Как сказал Ж.-Ж. Руссо: «Вернейший способ воспитать несчастного человека – это приучить его не встречать ни в чем отказа».

Так что это все действительно очень серьезно. И поэтому, придя в магазин со своим малышом, думайте не о своих финансовых возможностях, не о материальном самоутверждении (другие не могут это купить, а мы можем!), а о духовном благе ребенка, о его развитии, его воспитании. Разумные и умелые родители-воспитатели воспринимаются ребенком как добрые, заботливые, надежные, но скромные (в смысле материального достатка). И это для малыша полезно.

Маленькие лгуны

Все дети врут: это известно давно. Как же нам относиться к детской лжи? Как вести себя с маленькими лгунами: быть непримиримыми к ним или, наоборот, снисходительными? Возмущаться или же сохранять спокойствие? Пройдет ли это само собой или нужны специальные педагогические усилия, чтобы ребенок «вырос» из этого, перестал врать? Для чего вообще дети лгут, зачем им это нужно?

Ну, во-первых, могу сообщить: лгут не только дети. Лжем и мы, взрослые: и не меньше детей. Наша ложь опаснее – но: почему мы такие? Во многом, потому, что наши родители не воспитали нас как следует тогда, когда мы были еще маленькие. Корни большой взрослой лжи часто уходят в раннее детство.

Когда же и зачем малыши нас (и друг друга) обманывают?

Известнейший психолог Е.В.Субботский как-то провел такой эксперимент: дети (от 3 до 5 лет) должны были лопаточкой переложить шарик из одной корзины в другую – это непросто, потому что шарик скатывается с лопатки. Если ребенку удавалось переложить шарик, он получал конфету.

Пока в комнате присутствовал взрослый, все шло хорошо: кому-то удавалось выполнить задание и получить награду, кому-то нет, но никто не пытался жульничать. Но вот экспериментатор вышел. Разумеется, он по-прежнему наблюдает за детьми, но они об этом не подозревают. И, конечно, большинство начинает «махлывать»: видя, что переложить лопаточкой не получается, перекладывают руками.

Но вот взрослый вернулся.

Так ты лопаточкой переложила?

Да, лопаточкой...

Молодец! На, бери конфету.

И вот тут оказывается, что дети – даже трехлетние! – ведут себя по-разному! Кое-кто берет и рад, и спокойненько ее съедает, и доволен. Но таких детей очень мало. Большинство, взяв незаслуженную награду, явно испытывают муки совести: им стыдно, они не смотрят на взрослого, у них тяжело на душе. Некоторые потом все-таки съедают конфету, кое-кто выбрасывает ее. Но был и такой мальчик, который со злостью воскликнул: «Не нужна мне ваша конфета!» – кинул ее в угол и выбежал из комнаты.

В данном случае очевидно, что дети обманывают *ради своей выгоды*: и это, безусловно, худший вид лжи. Почему малыши так себя ведут? Потому что конфета вкусная и хочется ее съесть: соблазн слишком велик, а контроль над собой у таких маленьких детей пока еще очень слабый – невозможно удержаться.

Что из этого следует? Во-первых, то, что не стоит постоянно ставить ребенка в такое положение, *когда у него будут возможность и желание обманывать* взрослых. Ведь пока экспериментатор находился в комнате, никто не пытался жульничать. Если у ребенка мало шансов «добиться успеха», он и не станет врать: дети, как это ни странно, – довольно-таки прагматичные существа.

С другой стороны, вечно контролировать ребенка нельзя: он должен постепенно становиться самостоятельнее. А это значит, что выпускать его из-под контроля нужно очень постепенно и в таких ситуациях, когда вы в нем более-менее уверены, когда вокруг нет непреодолимых соблазнов.

Но что делать, если ребенок все-таки вам наврал? Во-первых, важно понимать, когда он лжет, когда говорит правду. Для этого просто внимательно наблюдать за крохой: за его лицом,

голосом, манерами. Проверять его слова (хотя лучше так, чтобы он об этом не знал). Если обман успешен, ребенок будет лгать все больше и изощреннее: взрослый должен с самого начала показать, что обмануть его невозможно.

А нужно ли ребенка, солгавшего ради своей выгоды, наказывать? Вот тут однозначного ответа нет. Одного нужно – другого как раз нельзя.

Наказывать нужно не очень совестливых – «толстокожих» – детей: тех, которые в описанном выше эксперименте преспокойно съедали свои «неправильные» конфеты. А вот если у ребенка совесть чуткая, лучше его не наказывать и даже не говорить ему, что для вас очевидна его ложь, а только показать ему своим тоном, своим обращением с ним, что он вас огорчил. И даже есть такой способ воздействия на «тонкокожих» детей: он вас обманул – а вы в ответ дарите ему какую-то давно желанную вещь, идете с ним в зоопарк – тем самым вызывая особенно болезненные упреки совести (мама такая хорошая, а я вел себя так плохо!).

Так что просто своего ребенка нужно знать и выбирать правильную линию поведения в зависимости от его индивидуальности.

Но лгут дети отнюдь не только для своей выгоды, а очень часто и по совершенно другим причинам.

В журнале «Мой ребенок» (№12, 2005, с.182), в рубрике «Детский лепет», опубликован чрезвычайно увлекательный рассказ Артема Сидорова (4 лет) о прогулке в лес. «Однажды пришел весь поцарапанный, с укусом на щеке. Мама спрашивает:

Артемушка, кто же тебя покусал?

Медведь покусал, он живет воон на той горе.

А вы что же, к медведю ходили?

Да, с мальчиками и девочками.

А как же ваша воспитательница?

А мы ее с собой не взяли.»

Спрашивается: зачем Артемка врет? Возможно, отчасти потому, что боится наказания: это уже знакомый нам мотив – ради своей выгоды. Но отчасти он врет потому, что ему хочется выглядеть героем: он же мальчик! А еще – он фантазирует.

Дети вообще путают фантазии и реальность: боятся привидений, сказочных чудовищ и пр. Им свойственно жить больше в фантастическом мире, потому что они там пока чувствуют себя лучше: здесь, в этом реальном мире, страшно; здесь они маленькие, слабые – а в своем воображении – большие и сильные. Вот Артемка подрался с медведем – и ничего: живой!

И это тоже очень распространенные мотивы детской лжи: стремление к приукрашиванию реальности (фантазирование) и потребность в самовозвеличивании. И интересно, что сами эти мотивы – вполне положительные!

Правда, и в этом случае взрослый обязан точно знать, когда малыш выдумывает, а когда говорит правду. Но показывать это ребенку нужно не всегда.

Такая ложь детям так же необходима, как испытывающему острую боль необходимо обезболивающее. *Ложь – это анестезия души*: слабому, неприспособленному к реальной жизни существу она пока нужна. Поэтому не стоит разоблачать ребенка: пусть пока поживет в мире своих иллюзий и пусть рассказывает их вам – так будет лучше, чем если он станет все таить про себя. Пока для него это нормально.

Вот только он должен постепенно из этого вырастать, учась жить в реальном мире. И если этот процесс роста успешен, реальность перестает пугать и фантазии становятся уже не нужны.

У моего соседа Сашки (5 лет) умер дедушка. На поведении мальчика это совершенно не отразилось: он веселый, как птичка, бегают, играет.

Вдруг во дворе он мне говорит:

Дядя Вадик, а знаете: мы никогда не умрем!

Интересное сообщение. И главное: с таким убеждением это сказано!

Да?

Да! Мы: и я, и мама, и папа, и Соня – мы никогда не умрем!

Я не стал спорить с Сашкой: да и как тут поспоришь?

Ребенку нужно верить в то, что он и его близкие бессмертны, причем, бессмертие он понимает в чисто земном плане: «мы никогда не умрем» – это значит не умрем *физически*, будем жить, здесь, на Земле, вечно!

Это феноменально нелепо? Допустим. Но что если ребенок прав? Что если люди действительно бессмертны, хотя и не физически, конечно? Просто дети еще не в состоянии отделить духовное от телесного.

Вот тут уже мы встречаемся с особым видом детской «лжи», когда считаем ложью просто то, что не соответствует нашему, взрослому, мировоззрению. А это вовсе не ложь, а особые специфические представления ребенка о мире, которые ему нужны, которые позволяют малышу сохранять веру в жизнь, не бояться ее, быть оптимистом. И разрушать эти «иллюзии» ребенка ни в коем случае нельзя. Скорее, тут нам, взрослым, стоит задуматься: а вдруг устами нашего чада «истина глаголет»?

Впрочем, как бы вы хорошо ни понимали своего ребенка, как бы правильно себя ни вели, он все равно время от времени будет лгать. Потому что люди лгут почти всегда, сами того не замечая: обманывают себя – а тем самым и других, раз принимают ложь за истину.

Так что лучше нам последить за собой и посчитать, сколько раз соврем мы сами, а сколько – «невинное дитя». И еще неизвестно, кто «выиграет».

А дело-то в том, что искусство выискивания мельчайших сорин «в глазе брата своего» – или чада своего – развивается как раз на почве упорного нежелания замечать большие толстые бревна в своем собственном глазу. И у таких родителей дети неизбежно вырастают лживыми: по принципу «яблочко от яблоньки недалеко падает».

Так что, прежде всего, нужно следить за собой. И это вообще главный принцип воспитания.

Гигиена души

Как-то довелось наблюдать такую сцену. Мы с друзьями: муж, жена и маленький (4 года) сынишка, Мишка, – собрались в цирк. Опаздывали – из-за Флорики (так зовут маму). Флорика – очень красивая женщина, у нее даже имя красивое: «Флорь» по-молдавски (она молдаванка) – «цветок», только это слово женского рода. И вот наш прелестный цветочек сначала примерял одно кольцо к вечернему платью, потом другое: потом цветочку пришлось в голову, что ведь мы же собрались в цирк, а не на концерт или в театр, и, следовательно, она там будет нелепо выглядеть в вечернем наряде. Пришлось снова переодеваться. А потом еще нужно было накраситься, а потом еще – не забыть множество нужных вещей (зеркальце, дезодорант, пудру, деньги на мелкие расходы).

А тут еще Мишка вертится под ногами и ноет: «Ну, ма-ама! Ну скореей! Мы опоздаем! Ну, ма-ама!»

Флорика разнервничалась. Нет, ничего такого сыну не сказала, разве что разок резко дернула его за руку.

И вот мы в цирке. Какое великолепие! Но Мишка ужасно возбужденный. И никак его не удастся успокоить. Во время очередной антерпризы, когда маленький клоун Тузик стрелял в большого толстого клоуна Пузика из лука, а Пузик все стрелы сожрал, Мишка раз десять вскакивал и его приходилось усаживать силой. Потом вскочил уже какой-то мальчик перед ним. Мишка страшно разозлился и стукнул нарушителя кулаком: к счастью, тот был большой и удара не почувствовал.

Флорика удивлялась: что это с ним? Мне она сказала, словно извиняясь: «Он у нас всегда спокойный! Что такое сегодня?»

Что случилось с обычно спокойным Мишкой? Да просто он заразился от мамы. Заразился ее раздражением. А к нему еще добавилось возбуждение от невиданного зрелища: в цирке он был впервые в жизни. И вот – такой результат: ребенок стал неуправляем.

Может быть, нашей очаровательной маме стоило подумать не только о том, как она выглядит, но и о том, что у нее внутри – в душе? Может быть, это даже важнее?

Другая сценка.

В маленьком офисе – две молодые дамы, пару посетителей. Одна из дам собирается уходить, куда-то торопится. Тут же ее дочка – довольно большая девочка, лет 6 —7-ми. Девочка сидит за столиком и ест мороженое.

Мама (тихо, просительным тоном):

Лора, пожалуйста, быстрее... Ты же знаешь, мы можем опоздать...

У-у-у, ну, мама...

Я тебя очень прошу, Лора!

Девочка скорчила довольно противенькую гримаску (а девочка хорошенькая), отвернулась от мамы – и продолжает неторопливо обсасывать эскимо. А Лора слушает да ест.

Как-то я встретил эту девочку на улице, она шла с дедушкой. Дедушка, моложавый, в спортивном костюме, что-то старательно рассказывал, заглядывая ей в лицо и делая широкие театральные жесты. У Лорочки на физиономии – капризная гримаска пресыщенности, на деда она не глядит.

Мне было так неприятно на это смотреть, что я отвернулся и даже не поздоровался ни с внучкой, ни с дедушкой.

А вот – решительная мама.

Дети играют в песочке. Мама, большая, как дом, сидит рядом, на скамеечке, погруженная в размышления, судя по ее лицу, глобального характера. Решила, что пора идти, командует:

Ну все, домой!

Ребенок чуть замешкался, мама встала, взяла ее за руку, сгребла в охапку ее лопаточку и ведро, разрушив одним движением песочный куличик, который девочка старательно лепила битых полчаса. Поволокла малышку за руку домой. Та не плачет, молчит. А у мамы на лице какое-то странно довольное выражение.

А вот интересная сценка в другом роде.

Огромный зал ожидания вокзала. Почти все сидят, но у одной мамы ребенок – девочка лет 3-х – очень беспокойная: бегает, всюду заглядывает. Полезла на газетный киоск, держась ручками за прилавок, тянется, хочет заглянуть. Потом отправилась в путешествие под столиками вокзального кафе, там обнаружила кошку, в восторге погналась за ней. Мама стоит в проходе, недовольно за всеми этими эволюциями наблюдает и постепенно краснеет – раскаляется. Чувствуется, что она страшно раздражена: видимо, устала, долго приходится ждать поезда – а тут и не присядешь из-за этой маленькой егозы. И в то же время ей неудобно при людях одергивать малышку.

Сдерживалась она, сдерживалась – а вышло хуже. Я не увидел, что же произошло: кажется, девочка полезла прямо на кем-то занятое (там был пакет) сиденье, встала на него ногами – мама вдруг взбеленилась, вскрикнула и как шлепнет дочку – звук был как от выстрела, на весь вокзал. Видимо, прорвалось долго копившееся раздражение. Малышка плачет, мама опять замахнулась: не может себя остановить.

Я быстро встал, подошел к ней. Она красная, злая – а лицо какое-то детское.

Улыбаюсь, здороваюсь, говорю ей:

Какая у вас симпатичная девочка! Как ее зовут?

Она посмотрела недоверчиво, но ответила:

Мария.

И вы ее так называете – полным именем? – удивился я совершенно искренне.

Ну, нет... Машей, Машуткой зовем...

Сколько ей? Три? Я так и думал... Я ведь педагог и психолог, работаю с детьми. Мне ваша Маша очень нравится. Любознательная, активная. Все посмотрела, до всего ей дело. Она у вас всегда такая?

Все это говорится чрезвычайно доброжелательно, спокойно, с улыбкой, с искренним интересом и симпатией. Мама начала рассказывать, как Маша ведет себя дома и в садике, сначала как будто жалуясь на нее (девочка гиперактивная, трудноуправляемая), но потом этот тон постепенно ушел: я на все киваю головой очень одобрительно – дескать, ишь – молодец-то какая!

Смотрю на нее – и вижу (кстати, очень интересно за этим наблюдать), как она начинает прямо на глазах меняться: успокаивается, речь становится более плавной, краска сходит с лица. И о дочери она высказывается все доброжелательнее.

Постояв еще немного, повосхищавшись Машей, побеседовав с ней самой (ее участие в беседе выразилось в том, что она на все мои реплики что-то неопределенное мычала и пряталась за маму, но поглядывала из-за маминой спины хитренько), убедившись, что мама окончательно успокоилась и ни малейшей опасности ни для себя самой, ни для дочери уже не представляет, я уселся обратно на свое место. Сели и они, и Маша уgomонилась.

Вот интересно: Машина мама – взрослый человек, но как легко передалось ей мое эмоциональное состояние – а ведь я ей совершенно чужой. Да, я профессионал, это,

конечно, тоже нужно учитывать. Но все-таки интересно, как люди эмоционально влияют друг на друга: даже чужие, совсем не знакомые взрослые люди!

А можно ли самостоятельно справиться с собой, если мама чувствует, что раздражена и вот-вот сорвется?

Конечно! Вот три самых обычных метода:

«Японская кукла». В некоторых учреждениях в Японии есть специальные комнаты, где стоят большие резиновые куклы, изображающие начальников. Кто злится на своего любимого руководителя, заходит, хорошенько отдубасит куклу, разрядится – и успокаивается. Такова суть метода – перенести свою «активность» на что-то другое. Например, энергично и со злостью постирать белье, помыть посуду или пол, отдраить какую-нибудь кастрюлю, которую вы уже полтора года собираетесь привести в приличное состояние. Выплеснуть свою энергию, направив ее в безопасное русло.

«Объективное наблюдение». Если малыш вас раздражает, попробуйте внимательно понаблюдать за ним: за его лицом, движениями. Попробуйте догадаться, что он сейчас чувствует. Доказано, что объективное наблюдение – за кем угодно или чем угодно – «гасит» эмоции, успокаивает человека, помогая тем самым овладеть собой. Кроме того, дети часто бывают забавными, а когда человеку смешно, он уже не способен злиться.

«Рефлексия». Попробуйте понаблюдать за собой, за своим душевным состоянием. Постарайтесь понять, почему вы именно это чувствуете, почему так, а не иначе, поступили. Сделайте себя объектом психологического наблюдения и изучения. И – независимо от того, к каким выводам вы придете – ваше раздражение постепенно исчезнет.

Мы говорим: «Ребенок родился». Точно знаем, когда: не только день, но и час, и даже минуту. Знаем, сколько ему сейчас лет.

Нет, ваш ребенок еще не родился. Или – еще не совсем родился. Он родился телесно, но не духовно. Духовно он будет рождаться на протяжении всего своего детства, всей своей юности, а, может быть, еще и потом, в зрелые годы. И дай Бог, чтобы в конце концов он родился – хоть когда-нибудь, хоть к тридцати годам.

И все это время, пока он еще не созрел духовно, между ребенком и его мамой продолжает сохраняться незримая эмоциональная связь, продолжает биться соединяющая их психологическая пуповина.

И знаете, что для абсолютно любого ребенка самое страшное? Когда этой пуповины нет, когда она разорвана. Такой ребенок чувствует себя в мире как в дремучем лесу, полном диких зверей, где некуда спрятаться, где нет друзей, а только враги. Это самый несчастный человек, но очень часто он становится и ужасным человеком.

Вот у Мишки в этом смысле все в порядке: это видно из того, как легко ему передалось эмоциональное состояние матери. Его пуповина цела, она бьется, по ней он получает так необходимую ему эмоциональную подпитку. Вот только – что именно получает? Какими будут эти эмоции, что это будет: злость, раздражение, страх – или радость, спокойствие, уверенность?

Если ребенок получает через этот эмоциональный канал одни приказы, команды, требующие безоговорочного исполнения – то это будет один тип человека: забитый, затурканный, зависимый, боящийся жизни. Если малыш воспринимает маму только как источник удовольствий и радостей, если мама вообще не способна приказывать и запрещать, – это будет капризный эгоист. Мама раздражительная – ребенок будет нервным.

Конечно, вы можете сказать: а что же тут поделаешь? Если я такая, не могу же я себя переделать?

Вроде бы правильно. Вот только мы никогда не знаем до конца, какие мы. В нас много чего есть, много таких возможностей, которые мы обычно никак не используем.

Ведь мы же понимаем: раздражаться, злиться – нехорошо. Не в моральном плане, нет: **ДЛЯ НАС САМИХ** нехорошо. Неприятно, нервные клетки не восстанавливаются; жизнь сокращает; настроение портит. **НАМ САМИМ** плохо от этого.

А что если дети могут нам в этом смысле помочь?

Нет, я не шучу, я говорю серьезно! Если рядом вот такое маленькое существо, которое в огромной степени зависит от нас, от того, что происходит в наших душах, то, может быть, это может помочь овладеть собой? Может быть, эта кроха – тот самый рычаг, которым можно что-то повернуть в себе?

Я уверен: не все так фатально. Мать и дитя – сообщающиеся сосуды. И если в одном вода замутилась – она неизбежно станет мутной и в другом. Но и чистота, наивная вера и доброта, столь свойственные детям, – тоже заразительны.

Может быть, Бог создал детей для того, чтобы помочь нам, взрослым, стать лучше?..

«Это – моё!»

Когда родители Олега записывались ко мне на консультацию, я попросил их принести фотографию ребенка – они притащили толстенный альбом со многими десятками, если не сотнями, снимков четырехлетнего сына. Да, Олежка – вовсе не обделенный ребенок. Он единственный сын благополучных интеллигентных родителей, у него две бабушки и два дедушки; все они довольно молодые люди. Шестеро взрослых – на него одного!

По телефону родители объяснили, в чем проблемы их сына: хаотическое неуправляемое поведение, эмоциональная неустойчивость, часто – плохое настроение, капризы, плач, истерики. В общем, ничего особенного: типичный современный ребенок.

Главная проблема современных детей в том, что взрослые с утра до вечера о них заботятся. Раньше в семьях детей было много, а взрослые почти все время заняты: мать – по хозяйству, отец – на работе. Бабушки-дедушки умирали гораздо раньше. Да, росли эти дети как трава в поле, но свобода, самостоятельность у них тоже были. Нашим же маленьким обласканным каторжникам об этом не приходится и мечтать.

Главное впечатление от фотографий Олега – это несчастный ребенок. Бледненький, тощенький, выражение лица везде какое-то испуганное, робкое. Но – прекрасно одет, в его комнате – огромное количество игрушек (на одном снимке он – с плюшевыми медведем и тигром: оба зверя гораздо больше него), рядом всегда кто-то из взрослых.

Мальчик очень умный: уже читает, считает до ста. Знает почти наизусть десятки сказок и детских стихов. И даже физически вполне здоров.

Что же с ним такое?

Ну что ж, расскажите поподробней, что же с ним такое?

Они переглянулись, немного смущенно, и мама – красивая, с тонким румянцем на щеках и близорукими, словно нарисованными, глазами – ответила:

Он очень странно себя ведет, и мы не понимаем причины...

Как именно себя ведет?

Ну вот хотя бы сегодня... Сели завтракать, все хорошо: его любимая кашка «Семь злаков» с молоком и медом. Он начал есть. Потом положил ложку на стол и... ну, просто сидит и смотрит в пол, и ручки сложил между колен. Я спрашиваю: что такое, почему ты не ешь? – никакого ответа. На меня не смотрит... И мы уже знаем, когда на него такое находит, его не переупрямишь. И так он и не поел... Или вдруг начинает гримасничать, кривляться, выкрикивать какие-то несуществующие слова...

А вы не знаете: когда вас нет рядом, он тоже так делает?

Он у нас одно время ходил в садик, я спрашивала – нет, там такого не было...

А почему вы его оттуда забрали?

Нам не понравилось. С детьми не работают, не развивают: за ними только присматривают, кормят – и все... Потом, Олежкина бабушка – это моя мама – обижалась: она у нас первый год на пенсии – и вдруг внука отдают не ей, а в садик...

У бабушки такие явления тоже случаются?

Знаете, да...

Ну, хорошо, продолжайте...

Да, так вот он устраивает такие концерты – совершенно без всякой видимой причины. Мы не знаем, что делать. Прочли горы литературы: педагогической, психологической – но так ничего и не поняли... Потом он стал намеренно портить вещи...

Как это?

А вот так. Нашел ножницы и изрезал шторы, свой костюмчик..

Что за костюмчик?

Они переглянулись – будто говоря друг другу: «О какой ерунде спрашивает!» – и отец снисходительно объяснил:

Есть у него такой парадный костюмчик-тройка. Вернее, был. Пиджачок, жилет, галстук-бабочка. Да вы видели – на фотографии...

А, да, да... И вот его-то он изрезал?

Его.

Сколько раз он его надевал?

Три-четыре раза если надел – не больше.

А когда? При каких обстоятельствах?

Да все больше – в гости.

Как себя вел в гостях?

Ну, там-то ему никто не позволит спектакли устраивать...

Значит, хорошо?

Да, выходит так.

А как он себя при этом чувствовал?

Опять переглядываются – еще более недоуменно.

Вы можете даже мне не отвечать, просто скажите: вы раньше над этим задумывались?

Отец, криво улыбнувшись, ответил:

По правде говоря, нет.

Может быть, он сам воспринимал этот костюмчик как орудие пытки, с которым связаны самые неприятные ощущения: часами нужно сидеть прямо, «хорошо себя вести», ничего нельзя, да еще костюма не испачкай?.. Может быть так?

Да кто ж его знает...

Ну ладно... Еще что вас беспокоит?

Мама, опустив глаза, сказала:

Знаете, я большая аккуратистка: не выношу ни малейшей нечистоты в доме. А он стал таскать со двора какие-то грязные тряпочки, бутылочные осколки; даже старую консервную банку принес – с каким-то жутким запахом... Не хочет ничего убирать в свой шкафчик, все разбрасывает..

А вы его заставляете убирать?

Да, я заставляю. По-моему, ребенка нужно приучать к порядку с раннего детства... А что, я неправа?

И правы, и неправы... Я вам задам один вопрос: у вас есть своя комната?

Да, у нас трехкомнатная квартира.

Кто-то, допустим, ваша мама, вас контролирует: как вы убираете в своей комнате, что куда кладете?

Смеется, но довольно принужденно.

Нет, конечно, нет. Я все-таки взрослый человек.

Да. Но – вы человек. И ваш сын – тоже человек. Так что есть все же нечто общее... Ну, хорошо: а вы представьте себе, что ваша мама вас постоянно контролирует, заставляет вас все класть не как вам хочется, а как она скажет, – вам бы это понравилось?

Нет.

И Олегу тоже не нравится. Только он еще совсем маленький и сам этого не понимает. Он только чувствует дискомфорт и какое-то внешнее давление: вот как если бы его связали веревкой по рукам и ногам – и не на время, а навсегда – и он пытается бороться, разорвать эту веревку, протестует, по-своему, по-детски...

Тут мама совсем уже смутилась, а папа, наоборот, рассердился:

Так что же, вы предлагаете: пусть он делает, что хочет?

Я не думаю, что такой маленький ребенок может ВСЕГДА делать, что хочет, – так не получится. Но ХОТЯ БЫ ИНОГДА он должен делать, что хочет?.. Теперь вот такой момент: у него, как я понял, есть своя комната?

Да, маленькая.

Неважно, маленькая или большая. Но это ЕГО комната. А распоряжаетесь там вы. Значит, считается, что это его комната, но фактически не его: он там не вправе ничего делать так, как сам считает нужным... Фактически это ВАША комната – вы там хозяева: вы решаете, что там должно быть, где что будет лежать, убирать или не убирать. А НАЗЫВАЕТСЯ она ЕГО КОМНАТОЙ...

Или, скажем, одежда. Понятно, у него есть своя одежда. Но может ли он САМ ЕЮ РАСПОРЯЖАТЬСЯ? По вашим словам получается, что нет. Значит, это ПРИНАДЛЕЖАЩАЯ ВАМ одежда, но одета она на него.

И вот получается, что у него в собственном доме нет ничего своего!

Ну, знаете, вы прямо такой образ нарисовали! Не такие уж мы деспоты...

Нет, нет, – вы меня не поняли. Вы, конечно, не деспоты: вы обычные современные сверхзаботливые родители. Но я-то сейчас говорю не о вас... Постарайтесь это понять: я говорю с вами – но не о вас, а о вашем сыне. О том, что ОН чувствует, переживает, каково приходится ЕМУ... И вот, по-моему, ему довольно-таки солоно приходится: ни шагу не ступить свободно, ничего не сделать самому, и нет ничего своего, никакой собственности...

У такого маленького ребенка уже должна быть собственность?

Конечно! Обязательно!.. Вы знаете, был такой замечательный психолог, Бруно Беттельгейм, он был директором школы-интерната для детей с психическими отклонениями: своего рода, школы-больницы. Один из его методов: в своих комнатах дети были полновластными хозяевами. Без их разрешения туда нельзя было войти и ничего там нельзя было трогать. Войдет воспитатель – там все валяется где попало: и воспитатель ничего не говорит. И ребенок чувствовал, что он реально существует, его «Я», его самостоятельность уважают взрослые...

Понимаете, в чем дело: для ребенка собственность – это подтверждение его значимости, его реального существования. Это внешнее проявление его личности. У взрослых – тоже. Но взрослый обычно внутренне уверен в своей значимости, а ребенок нет. Поэтому для малыша так важны внешние атрибуты: свои вещи, которыми можно распоряжаться, как хочется; своя комната, где именно я хозяин.

А аккуратность – тоже важна, но не так.

Опять переглядываются, теперь уже растерянно.

Потом мама, натужно улыбаясь, сказала:

Мы думали, вы нам посоветуете, что нам с ним делать...

А я вам советую, что делать с самими собой? Не то говорю, что вам хотелось услышать?.. Так всегда бывает. Ничего нельзя изменить, если человек ничего не хочет менять в самом себе...

Нет, вы нас не так поняли: мы готовы, конечно...

Тогда давайте Олегу свободу, но постепенно: потому что он пока совершенно не умеет ею пользоваться... Поменьше запретов: только самые необходимые. Вот он приносит со двора стеклышки – а знаете, зачем? Чтобы иметь собственность: то, что несомненно ему принадлежит, с чем он может делать, что захочет. Как только у него появится своя несомненная собственность, которую все будут уважать, он начнет избавляться от этой привычки... Кривляний и прочего – просто не замечайте, игнорируйте. Отвернитесь, уйдите в другую комнату. Вы правильно определили: это спектакль. Никакой актер не захочет играть без зрителей.

Хорошо, мы попробуем так сделать, – неуверенно сказала мама. – И вы можете гарантировать, что это все пройдет?

Постепенно пройдет, хотя, может быть, и не все... Звоните, мне интересно, как все у вас сложится...

Через полгода они позвонили. Вернее, позвонила мама. Олечка теперь часто играет во дворе один. В его комнате никто не убирает: ну, разве что помоем, пыль сметем. Сначала он все разбрасывал, как попало. Сейчас стало получше. Капризы прекратились. Стал лучше есть.

Я вам очень благодарна, но знаете, я хочу вам признаться...

В чем?

Первый месяц я вас ненавидела... Да-да!

За что же?

Вы знаете, я так мучилась! Честное слово, просто мучилась... Зайдешь к нему – у него кавардак жуткий, одежда валяется прямо на полу, он по ней ходит – я так страдала от этого, а ничего нельзя даже сказать... Он гуляет во дворе один, а ведь я к этому не привыкла: стоишь и думаешь – а если какая-нибудь собака забредет во двор, нападет на него?! Так и хочется выйти, посмотреть, как он, – а нельзя...

Но сейчас это у вас прошло?

Не совсем, но, знаете, уже не так...

Ну что ж, я вас поздравляю: вы воспитали не только своего сына, но и себя!

Воспитание едой

На «прием пищи» можно смотреть только как на физиологический процесс. Но когда работает желудок, куда девается душа? Ведь что-то же с ней в этот момент происходит! Может быть, питать ребенка – это значит одновременно его воспитывать?

Хотя Жанне Григорьевне уже 36 лет, выглядит она прекрасно: на вид ей дашь лет 25 – и она красивая женщина, у нее хороший вкус, она всегда – даже дома – отлично одета. Муж Жанны – вполне успешный бизнесмен, притом порядочный человек, умный, одаренный, преданный жене и детям. У них два сына: Глеб, 7 лет, и Кирилл, ему скоро 5. Живут они в коттедже, за городом. И у нее, и у него родители живы-здоровы, даже еще работают. Словом, все вроде бы хорошо.

Я всегда останавливаюсь у Жанны и Володи, когда приезжаю в столицу: у них «большая жилплощадь» и ко мне они хорошо расположены. К тому же Жанна давно не работает, а хозяйка она гениальная, готовит потрясающе. Но – часто при этом приходится наблюдать неприятные сцены.

Утро. Идем завтракать. Папа уже ушел, нас четверо: мама, я и мальчишки. Они первые без приглашения лезут за стол, суют ложками, куда им хочется, морщат носы: «А это че? А это?» Принюхиваются. Кирюша, маленький, тощенький, с прилизанными светленькими волосиками, кривляясь, шевелит носом, как собачонка: «Ма-ам! А че это? Чего ты сюда положила?» Мама ничего не отвечает, отворачивается: ей явно неудобно за детей. Я себя чувствую тоже неловко: надо есть, но Жанна и не думает садиться вместе с нами: когда едят другие, пусть даже это ее собственные дети, она стоит рядом – именно стоит, даже не присаживаясь! – и ОБСЛУЖИВАЕТ. Почему она считает своей обязанностью жертвовать собой, не знаю, и мне бы давно следовало к этому привыкнуть – но не могу: такая красивая женщина, ухоженная, умная – а я должен сидеть и есть в то время, как она стоит рядом и не ест.

Я, наконец, не выдерживаю и спрашиваю: «Жанна, может, ты поешь с нами?» Но она только улыбается, а мальчишки, как по команде, поднимают головы от тарелок и с недоумением смотрят на меня.

Нюхали они, нюхали, я думал – им не нравится, оказалось – ничего подобного: упишывают за обе щеки. И неудивительно: я сам съел три тарелки, хоть и не знаю, что ел: какой-то салат, но очень необычный: в нем крошечные кусочки фруктов, самых разных, кажется, даже ананасы есть, и сырые и вареные овощи, и зерна кукурузы, и сыр – так вкусно! Интересно, сколько времени у нее ушло на то, чтобы приготовить это произведение кулинарного искусства?

Но вот поели, попили сок с домашним печеньем. Хлопчики вылезли из-за стола, спасибо не сказали, быстренько вытерли руки и убежали куда-то. У Кирилла на тарелке остался недоеденный салат, у Глеба – растерзанный кусок печенья, аккуратно прикрытый не менее растерзанной и грязной салфеткой.

Я тоже встал, поблагодарил, пошел собираться. Уходя на весь день, заглянул на кухню попрощаться. И вижу такую картину: сидит Жанна, как-то по-сиротски сбоку притулившись к столу с горой немытой посуды, и что-то там поспешно клюет.

Говорю ей:

Жанночка, да почему ты не ешь по-человечески? Ты меня, конечно, извини, это не мое дело – но все-таки?

А она:

Да, знаешь, как-то не получается... То то подай, то это. Вскликать все время. Мне так проще – после всех.

Да, но это же влияет на детей!

Она задумалась. Вздохла и говорит:

Да, ты прав: они меня воспринимают как прислугу. Бывает, даже покрикивают: то им не нравится, это невкусно.

Вот видишь, ты же сама понимаешь...

Сама-то я понимаю, но как-то не получается у меня по-другому... Ладно, ты иди, а то опоздаешь.

Я вздохнул, попрощался и ушел.

Наверное, вы со мной согласитесь: описанная выше сцена – совершенно явный «воспитательный момент». Вернее – антивоспитательный. Дети учатся не уважать людей, не уважать труд, заботу – именно то, что больше всего заслуживает уважения.

Приходилось мне наблюдать и самоотверженных мам несколько другого рода: они за столом все лучшие кусочки, все самое вкусненькое подкладывают своему ненаглядному чаду – а сами кушают чуть ли не сухой хлеб. И чадо к этому привыкает и уже считает, что так и надо, так всегда и должно быть: мне – самое лучшее, отборное, всем прочим – остаточки. Может, таким на всю жизнь останется: не дадут ему «лучшего, отборного» – он страшно разозлится, будет чувствовать себя несправедливо обиженным и несчастным.

Жан-Жак Руссо сказал когда-то: «Вернейший способ воспитать несчастного человека – это приучить его не встречать ни в чем отказа». А тут ребенок даже и не просит ничего: ему просто-таки навязывают что повкуснее и послаще.

Почему взрослый и вроде бы разумный человек может так себя вести? Видимо, приятно чувствовать себя Жертвенной Натурой, Самоотверженной Мамой.

Приходилось встречать мам – Мастеров Откормочного Цеха. Хочет ребенок есть, не хочет – он обязан перемолоть определенное количество калорийнейшей пищи, какого вполне хватило бы для откорма хорошей йоркширской свиньи. Понятно, что это воспитание отвращения к еде и к тем, кто ее готовит.

Но, к счастью, есть и другие примеры. Когда с самого раннего детства ребенок привыкает не только за собой убирать, но и помогать маме, и делает это без принуждения и даже с удовольствием, потому что ему внушили, что это очень похвально и хорошо и за это все тебя будут уважать. Когда совместная трапеза превращается в своего рода семейный клуб: за столом шутят, обмениваются новостями – всем и весело, и интересно. Знаю семьи, где невозможно что-то недоесть и бросить, хотя в то же время никого не заставляют питаться насильно: хочешь ешь, не хочешь – не ешь. Берет каждый то, что захочет и сколько захочет – но если сам взял – съешь все до крошки! И представить себе нельзя, что может быть по-другому. Где за столом дети берут вкусненькое только *после* взрослых.

Думаю, что вряд ли возможно – да и не нужно – чтобы во всех семьях «ели одинаково»: люди ведь разные, семейные и культурные традиции тоже разные – и то, что хорошо для одной семьи, может совсем не подходить другой. И все-таки, как мне кажется, есть несколько «золотых правил», которых лучше придерживаться абсолютно всем и всегда. Вот они.

Застольные заповеди для родителей

Еда – это не только поглощение питательных веществ, которое может доставлять удовольствие, но и их покупка, приготовление, уборка. Все это – по возможности – дети должны делать **ВМЕСТЕ С МАМОЙ** или, по крайней мере, принимать хоть какое-то посильное участие.

Не следует заставлять ребенка есть то, чего ему не хочется, и тогда, когда не хочется, за исключением особых случаев (ребенок болен – и т.п.). Здоровый ребенок должен есть тогда, когда голоден.

Все, с точки зрения малыша, вкусное нужно есть **ВМЕСТЕ С НИМ**: чтобы он не привыкал к тому, что все хорошее существует только для него. Так следует делать и в том случае, если ваши вкусы в смысле еды совершенно не совпадают со вкусами вашего ребенка. Если же вы не можете это есть – то и ребенку не покупайте.

Введите 2—3 максимально простых *правила* поведения за столом и следите за их исполнением. Например: «за стол садиться – только после взрослых». «Поел – убри за собой». И т. п.

В семье не должно быть *ни* «Постоянных *Слуг*», *ни* «Постоянных *Господ*»: всю неприятную работу, по возможности, должны делать все (кто когда может).

В то же время *не* следует *заставлять* детей убирать и пр.: лучше пусть это будет чем-то вроде почетной обязанности, за исполнение которой ребенок получает уважение окружающих.

«*Морковка – лучше ананаса!*» То есть – простая доступная здоровая пища, когда речь идет о детях, предпочтительней дорогой и экзотической, причем – именно в воспитательном отношении. Приучая к «эдакому», особенному, мы воспитываем Принцев, которые будут очень страдать, если им придется вести «неаристократический» образ жизни.

И, наконец, главная заповедь – в комментариях она, по-моему, не нуждается: «*Душа важнее, чем желудок!*» Никогда не забывайте ее!

Что же – какие необходимые качества – можно воспитать «за столом»?

Привычку считаться с другими людьми (а для этого еще нужно понять другого, с его иными, чем у тебя самого, желаниями и вкусами);

Самоконтроль, сдержанность (если за столом нельзя вертеться, разговаривать – и родители за этим следят);

Уважение к маминому труду – и ко всякому труду (если папа – и другие взрослые: бабушки, дедушки – постоянно демонстрируют маме это уважение, именно за то, что она потрудилась);

Бескорыстие, щедрость (когда, например, «вкусненького» не хватает на всех и малыш «жертвует» свое печенье маме или младшей сестренке: кстати, по этой причине очень полезно – в воспитательном смысле – чтобы в семье не было уж такого полного изобилия);

Привычку к самоограничению (хочется «вкусненького» – а его сегодня нет).

Как видите, это действительно очень удобный для воспитания момент – вот и используйте его как можно более эффективно.

Еще сравнительно недавно, лет 100—150 назад, сядя за стол, молились, благодарили Бога за ниспослание хлеба насущного, выполняли определенные ритуалы. К этому уже нельзя вернуться, да и не нужно; и относиться к этому можно по-разному: сейчас мы чувствуем себя свободнее, в том числе и тогда, когда садимся за стол; зато тогда люди ощущали, что все, что они делают, имеет смысл не только для них самих, чувствовали свою

связь с Космосом, с Мирозданием, с Богом. В чем-то мы выиграли – в чем-то проиграли. В воспитательном отношении – скорее проиграли.

Во всяком случае, не следует думать, что мы воспитываем ребенка только тогда, когда специально вознамерились его «повоспитывать». Воспитание происходит всегда: когда малыш ест, гуляет, ходит, пардон, на горшок. И значение всех этих «воспитательных моментов» очень велико. Вот о чем стоит всегда помнить!

«Пятерка» по русскому

Все знают, что основы будущих школьных успехов или неудач наших детей закладываются в дошкольные годы. Но что же нужно делать, чтобы ребенок успешно учился? Например, что нужно делать, чтобы у него не было проблем с «русским языком»: предметом, на который в наших школах отводится наибольшее количество часов? А оценка по «русскому» в большой степени зависит от орфографической и пунктуационной грамотности: от того, насколько грамотно ваш ребенок пишет.

Как часто родители спохватываются, когда впереди уже выпускной класс, и тогда что-то сделать бывает очень непросто, на это приходится тратить массу времени и сил. А между тем, в раннем детстве (до 7 лет) можно, в самом наибуквальнейшем смысле слова играючи, легко, незаметно, без всяких усилий и почти без затрат времени – заложить основы орфографической и пунктуационной грамотности на всю жизнь. И это будет прочный фундамент, который уже никогда не разрушится.

Прежде всего, давайте разберемся, от чего зависит орфографическая, а от чего – пунктуационная грамотность.

Многие думают, что от знания правил – но это неправда. То есть – от этого тоже зависит, но в очень небольшой степени.

На самом деле, орфографическая грамотность на 80—90% определяется развитием орфографической зоркости и орфографической памяти, а пунктуационная, тоже процентов на 80%, – развитием пунктуационного слуха.

Что такое орфографическая зоркость?

Это попросту умение видеть «ошибкоопасные места» в слове (см. об этом в книге Г. Граник, С. Бондаренко, Л. Концевой «Секреты орфографии», М., 1994): те места, где можно допустить ошибку.

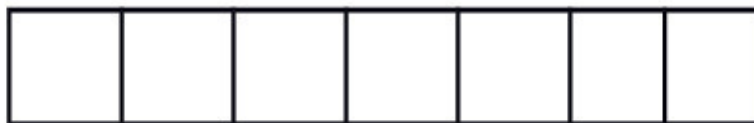
Допустим, мы пишем предложение: *«Они шли, и на их дороге расцветали весенние цветы, зелена травка»* (это из «Снежной королевы» Андерсена). Представьте себе, что это пишет первоклассник. Так вот, в слове «они» можно допустить ошибку только в первой букве (потому что слышится «ани»). В слове «шли» вообще нет «опасных» мест. В слове «на дороге» – три таких места: предлог со словом раздельно; что «**д**ороге», а не «**д**ароге»; что «**д**ороге», а не «**д**ороги».

Понятно, что вот эти места и нужно проверять, над ними и нужно подумать. Но проблема многих детей (и не только детей!) в том, что они ошибкоопасных мест в словах не видят и их не проверяют, а проверять каждую букву, конечно, невозможно. Вот и пишут безграмотно – даже зная правила.

Как же развить у маленького ребенка орфографическую зоркость?

Делать это нужно тогда, когда малыш только-только научился читать. Для этого существуют две игры: «Угадай слово» и «Что бы это значило?». Если регулярно играть в эти игры с ребенком, и, особенно, если он это делает с увлечением, то орфографическая зоркость – то есть бессознательная привычка вглядываться в слово, замечая, как оно пишется, где можно ошибиться – у него обязательно появится.

В «*Угадай слово*» можно играть на листе бумаги, на школьной доске, на улице (писать мелком на асфальте). Нужно загадать слово, достаточно простое, хорошо известное ребенку, допустим «Воробей». Потом изобразить вот что:

Здесь семь букв – как в слове. Сказать ребенку: «Это птичка». И пусть догадается. И впишет слово по буквам в квадратики. Но: для этого надо знать, как оно пишется. Если он напишет «варабей» или «ворабей» – то проиграет. Тогда вы говорите, что такой птицы нет, а есть «воробей». А ведь выиграть ему хочется! Понятно, что и он может загадывать слова: для чего, опять же, нужно знать, как они пишутся.

Кстати, этот пример – с «воробьем» – вплотную подвел нас и ко второй, тоже очень простой, игре «*Что бы это значило?*» Дело в том, что слово, неправильно написанное (особенно это касается ахиллесовой пяты многих младших школьников – безударных гласных), изменяет свое значение. Вот на этом и построена игра «Что бы это значило?»

Просто мы пишем опять-таки хорошо известное ребенку слово, но – намеренно неправильно, а ребенок должен догадаться, что же это теперь будет значить (а для этого увидеть – что неправильно). Если догадается – то выиграл. Вот, скажем, ВОРАБЕЙ – это кто? ВОРА БЕЙ. Бей вора. Это тот, кто борется с ворами! Милиционер, видимо.

А «варобей» – это кто? Это от «варит» – кто-то вареный. «Вареный воробей», может быть?

Как вы думаете, «коток» – что это? А это место для выгула котов! А какой мальчик «хвостливый»? Тот, у которого есть хвост. А что такое «показался»? Превратился в козу! «Кашелек» – это не очень сильный кашель (или мальчик, который немножко кашляет). «Чесы» – это то, чем чешутся. И т.д., и т.п. Берете самые простые слова, меняете в них безударные гласные – и смотрите, что получается. Не годится слово – возьмите другое. Подходящих слов очень много.

Если ребенок регулярно и с увлечением играет в эту игру, он начинает видеть, как изменяется значение слова от того, как мы его пишем – то есть видит «ошибкоопасные места», те буквы, которые можно написать неправильно.

А что такое орфографическая память? Это тоже бессознательная потребность или привычка запоминать, как слово пишется. Просто увидеть – и запомнить.

Для этого есть другая игра – в «*Загадочные слова*». Обычно это просто несуществующие, выдуманные слова: чаще всего, имена и названия. Помните, героев Льва Кассиля, которые придумали страну Швамбранию, а также города, имена исторических деятелей и пр., и пр. А у нас игра такая: нужно взять какие-то предметы, куклы и т.п. – и давать им имена и названия, записывая их. Назвали – записали – показали ребенку (недолго!). Потом он должен или сказать по буквам, как это называется, или, если уже умеет писать, то написать. Тогда он выигрывает этот предмет или эту куклу. Можно сразу давать имена и названия двум-трем и даже нескольким предметам и куклам.

Скажем, писающий мальчик – это «Буль-бульчик» (через дефис!); красивая Барби «Барбимадама» – и т.п. Придумывать нужно намеренно трудные в написании слова: с удвоен-

ными согласными, двумя-тремя безударными гласными, дефисами. Но: позаботьтесь, чтобы ребенок иногда проигрывал (иначе ему станет неинтересно), но иногда – и даже чаще – выигрывал (иначе он не захочет больше играть). Это, кстати, касается всех подобных игр.

Понятно, что загадывать имена и названия может и он вам, – это не менее полезно: ему же и в этом случае придется запоминать, как пишутся слова.

Что же касается пунктуационного слуха, то это умение слышать паузы в тех местах предложения, где на письме ставятся знаки препинания. Слово «препинание» однокоренное с «запинаться»: знак препинания ставится там, где мы как бы запнулись – сделали паузу при чтении, то есть на долю секунды остановились, а потом начали читать снова.

Судите сами. Допустим, мы читаем: *«Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что успели сделаться взрослыми»* (это про Кая и Герду). Теперь я запишу то же самое, а на месте пауз у нас будут косые черточки: *«Но/ проходя в низенькую дверь/ они заметили/ что успели сделаться взрослыми»*. А теперь запишу в третий раз, но с неправильными паузами – попробуйте это прочесть: *«Но проходя/ в низенькую дверь они/ заметили что/ успели сделаться/ взрослыми»*.

Галиматъя какая-то, правда? А ведь записано то же самое.

Так вот, точно так же, как мы пишем орфографически грамотно, в основном, потому, что видим ошибкоопасные места и просто помним, как пишутся хорошо знакомые нам слова, так и пунктуационно грамотно мы пишем вовсе не потому, что над каждой запятой задумываемся, а потому, что *слышим паузы*. Человек, который их не слышит, ставит знаки самым диким образом, даже если знает назубок все пунктограммы.

Для развития пунктуационного слуха существует игра «Майор Пронин». Майор Пронин – это разведчик. Ему нужно расшифровать сообщение, которое читается намеренно неправильно: с неправильными паузами – так что получается что-то непонятное и бессмысленное. Если Майор Пронин – ваш ребенок, то читаете ему фразу неправильно вы. Долго мучиться не стоит: возьмите детскую книжку (ту же сказку Андерсена) – и читайте из нее, но намеренно неправильно. Если вы Майор Пронин – то читает он (что, кстати, для ребенка очень трудно – намеренно неправильно прочесть). Прочитанную вами абракадабру он должен «восстановить» – прочесть правильно, тем самым восстановив смысл фразы.

Только не забудьте: он должен почаще выигрывать – поэтому не берите слишком сложные и длинные предложения.

Вот так весело и интересно поиграв с ребенком 2—3 раза в неделю по 15—20 минут, вы достигнете результата, который далеко не всегда достигается огромной трудоемкой работой с репетитором, которому еще нужно хорошо заплатить, когда ребенок ваш уже вырастет и пора будет думать об окончании школы.

Готовить сани летом весьма полезно – а заботиться о будущих учебных успехах ребенка лучше, пока он еще не пошел в школу. Это надежнее, проще и результаты будут прочнее.

Юные джентльмены

Вежливый ребенок – мечта многих родителей.

Действительно, как это прекрасно: придешь с малышом в гости, а он: «Дзасьте! Как живете?» Чинно сидит за столом, не пытаясь залезть под него; ест суп ложкой, а не вилкой или руками, причем не пытается проглотить ложку вместе с супом. Не перебивает старших, но в то же время отвечает на все задаваемые ему вопросы. Не бьется в истерику, не получив добавочного пирожного: реагирует философски. Не ковыряется в носу. Уходя, ему не приходится напоминать: «Может, ты все-таки попрощаешься?» Идеальное дитя! И все видят: вот какие хорошие родители, вот какое у них воспитанное чадо!

Но как же этого добиться?

Во-первых, важно, как папа и мама общаются друг с другом и с другими людьми.

Что это сильно влияет на детей, всем известно, так что проблема большинства родителей вовсе не в непонимании того, что их общение друг с другом как-то формирует их ребенка. Проблема, прежде всего, в том, что взрослые обычно смутно осознают, чем восприятие ребенка отличается от их восприятия.

Вот папа пришел с работы. Позади трудный день. Ему хочется расслабиться, отдохнуть. Он голоден. Жена подала на стол: ну что такого страшного, если ему нравится есть с ножа? Ведь он же у себя дома, в конце-то концов! Ну, шея у него зачесалась, почесался он несколько раз тем же самым ножом, с которого ест, – ну что такого страшного: не в гостях же. Ну, забыл сказать спасибо, когда вставал из-за стола; не помог вымыть посуду – так где взять силы на это?

Заметьте: этот человек – вовсе не грубиян и невежа, человек как человек. Он и жену любит, и детей. Просто для него свой дом – это место, где можно расслабиться.

А теперь представим себе совсем другого мужа и отца. Придя с работы, он принимает душ, переодевается, немного отдохнув, приходит на кухню свежий и «в форме». Ест, как полагается по всем светским правилам; говорит «спасибо!», помогает жене (вместе с детьми) убрать со стола.

Вы скажете: ну зачем же такие церемонии?! Это же все-таки домашняя обстановка, неформальная, так сказать.

Вроде бы верно. Но, опять-таки, здесь не учитывается восприятие ребенка, его психология.

Для малыша дом – это микрокосм: маленькая модель большого мира, причем модель образцовая. Своего рода идеал мироустройства. То, что происходит в его семье; то, как ведут себя его родители – для него непререкаемый образец поведения. Совершенно не задумываясь, совершенно не критично он воспринимает, впитывает в себя все, может быть, довольно случайные, слова и поступки родителей и принимает их на веру – как Божественное Откровение, как Десять Заповедей.

Малыш не в состоянии догадаться, что его папа «на самом деле не такой», каким его все видят вечером дома на кухне. Ребенок не может анализировать, не в состоянии понять гораздо более сложного внутреннего мира взрослого человека: он судит о нас по нашим внешним проявлениям.

И, повторяю, для него «хорошее», «правильное» поведение – это «как у мамы с папой».

Ребенок не видит родителей на работе (а очень жаль, но это неизбежная черта современной культуры) – а только дома. И он не догадывается, что это папа так устал и это он так расслабляется.

Поэтому в своем поведении в присутствии своего ребенка исходить нужно не из своего, а из его восприятия, – а он любое ваше слово, любое действие воспринимает как образец.

Трудновато, да. Я согласен, что это непросто. Но именно от таких вот повседневных «мелочей» зависит, каким будет ваш ребенок.

Наивно думать, что вежливость – это лишь некий внешний лоск, никак не связанный с внутренним содержанием. Подлинная вежливость – это проявление глубинных черт личности, прежде всего, таких, как *собранность и самодисциплина*. Причем, вежливый человек наиболее собран и дисциплинирован как раз тогда, когда общается с «самыми беззащитными»: детьми, женщинами, пожилыми людьми. И – что самое интересное – особенно в общении со своими самыми близкими людьми (а не чужими, посторонними людьми – как часто бывает).

«Вежливость навынос», показная вежливость – Настоящим Джентельменам не свойственна: они всегда ведут себя одинаково, что у себя в офисе, на глазах десятков людей, что дома при жене и детях.

Вести себя так, повторяю, трудно. Но зато такое поведение дает большое самоуважение, внутренне дисциплинирует – и очень повышает ваш авторитет и способствует успеху в воспитании.

Гораздо менее очевидный для многих взрослых момент (хотя довольно трудно понять – почему? ведь это так просто!): будет ли ребенок вежливым или нет, во многом, зависит от того, как мама и папа общаются с ним самим.

Представим себе такую сценку. Мама читает своему пятилетнему сыну книжку. Мама при этом сидит на стуле, а сын залез на диван, причем – в тапочках, и, слушая сказку, поднял одну ногу над головой и теребит свой тапок. Довольно обычное поведение для маленького мальчика – но маму оно раздражает.

Что сделает эта мама? Как она справится со своим раздражением? Ребенок-то совсем крошечный – что с ним церемониться? Вполне возможно, что прикрикнет на него, или дернет, отберет тапки, силой заставит «сидеть ровно».

Но возможно и другое: мама словно не замечает «странных» с нашей взрослой точки зрения проявлений малыша, а продолжает спокойно – вежливо! – читать как ни в чем не бывало: так, как она читала бы взрослому человеку, который ее внимательно слушает.

Безусловно, «физическое воздействие» на ребенка в некоторых случаях вполне оправданно и даже необходимо: по этому поводу у родителей не должно быть никаких комплексов. Однако это не должно превращаться в систему. А главное – **по отношению к совсем маленькому ребенку, как это ни покажется странным, нужно соблюдать в точности те же правила вежливости, что и по отношению ко взрослым людям!**

Если вы что-то рассказываете взрослому собеседнику, а он вас, как вам кажется, недостаточно внимательно слушает, вы ведь на него не кричите, не дергаете его за руку, не шлепаете, не говорите: «А ну-ка сядь прямо!» Вот и с ребенком – своим собственным ребенком – так вести себя нельзя. А, вернее, – именно с ним-то особенно нельзя, потому что именно он наиболее чувствителен к вашим воздействиям.

Еще раз повторю: ребенок воспринимает вас через ваши внешние проявления. Когда его постоянно дергают, обращаются с ним не как с человеком, а, скорее, как с вещью – явление в современном обществе все еще очень обычное – он *привыкает не уважать себя*. А есть такая психологическая закономерность: кто не уважает себя, тот не способен уважать и других.

А как может быть вежливым тот, кто никого не уважает?

В детском садике, где я работаю, мне как-то пришлось наблюдать такую сценку. В садике есть буфет: и для детей, и для взрослых. Обслуживают всех в порядке очереди.

И вот – стоит музрук, дама лет сорока, такая матерая человечиха: большая, как дом, с зычным командирским голосом – тут прибегают, запыхавшись, две девоньки в курточках: видно, идут на прогулку и воспитательница им разрешила быстренько сбегать, что-то купить, чего им ужасно хочется. Видно, что они очень торопятся – а тут очередь. Музрук, за ней я. И мы на них посмотрели – и пропустили вперед. Не с воспитательной целью: просто посочувствовали им. Вы бы послушали, как – какими голосами – они нам сказали «Спасибо!» А девонькам по 4 годика!

И что, – кто-то им объяснял, что «надо говорить „спасибо“» – и пр.? Нет. Просто они видят, что с ними вежливы, что их уважают – и сами тоже становятся вежливыми, начинают уважать других.

Наконец, вежливый ребенок еще тот, который знает правила этикета и понимает их смысл.

Правда, тут есть важный момент: если вежливо и уважительно общаться друг с другом и с самим ребенком – тогда стоит ему объяснять нормы этикета, тогда это ему будет полезно: ведь он неоднократно убеждался, что родители сами их соблюдают. А если вы их сами не соблюдаете, то нет смысла говорить о них ребенку – это ему не принесет пользы.

К сожалению, некоторые родители жаждут блеснуть воспитанностью своего чада, но сами отнюдь не стремятся быть воспитанными. Тогда это будет воспитание лицемера: при родителях, чтоб не ругали, малыш научится притворяться вежливым, а когда никто его не видит, «даст себе волю».

Объясняя маленькому ребенку правила вежливости, желательно:

делать это между прочим, не в виде нотаций, не «в специально отведенные часы», а тогда, когда для этого есть повод. У детей и у животных много общих черт, одна из них: они способны что-то понять и запомнить только наглядно – на конкретном примере, причем, желательно – на своем. Вот когда ребенок что-то сделал «не так» и вы его «поймали на месте преступления», то и объясните ему, как себя нужно вести;

говорите на языке ребенка и не забывайте аргументировать свои высказывания. Недостаточно сказать «нужно вести себя так-то»: ребенок, даже очень маленький, хочет знать, а почему нужно вести себя именно так. Скажем, если вы скажете: «Нельзя трогать чужих собак!» – он все равно будет продолжать к ним тянуться. Но если расскажете, что собаки не доверяют чужим и могут укусить, добавив, что знакомых собак трогать можно, а нельзя – только незнакомых – то это будет для ребенка более убедительно и он скорее вас послушается;

каждый запрет сопровождайте разрешением, смягчающим этот запрет («это нельзя – но вот это можно»: как в примере с собаками из п.2). Скажем, если вы говорите: «В будние дни нельзя включать телевизор, когда тебе хочется» – не забудьте добавить: «Но в воскресенье можно!» Ребенку легче соблюдать запрет, если он знает, что он не абсолютный.

Какие же этические нормы стоит довести до сознания каждого ребенка?

Нельзя приставать к человеку, если ты видишь, что он не хочет с тобой разговаривать (но если он не против – тогда «приставай» на здоровье!).

Нельзя перебивать старших, если они тебе что-то говорят: дождись, когда взрослый закончит, и тогда скажи то, что хочешь.

Нельзя десять раз задавать один и тот же вопрос (но разные вопросы – задавай сколько влезет!).

Нельзя при посторонних чесаться, ковырять в носу, громко петь и кричать.

Нельзя ничего просить у чужих людей (а только у родных).

Нельзя отбирать чужое (но попросить на время – можно).

Нельзя лезть ногами на подушку, забираться на диван в обуви (но без нее – можно).

Нельзя разбрасывать свои игрушки по всем комнатам (но в своей комнате или в своем уголке – можно).

Если ты о чем-то попросил маму или папу, а тебе отказали, нельзя ныть и плакать (но можно потом попросить еще раз, а вот если заплакал – то уже нельзя!).

Нельзя кушать что-то вкусненькое одному, когда вокруг люди, у которых этого нет: сначала надо угостить других (но если они откажутся – ешь на здоровье!).

Нельзя ничего не отвечать, если тебя спрашивают (но можно ответить коротко).

Разумеется, этот перечень можно дополнить. В конце концов, в каждой семье могут быть свои правила.

Как поощрять правильное поведение ребенка?

Прежде всего, нужно понимать, что правильное поведение – это поведение *самостоятельное*.

Если мама, уходя из гостей, дважды или трижды напомнила сыну «Ты не забыл сказать „до свиданья“?» – и сын-таки «не забыл» – то это не его заслуга, а мамы. Только когда ребенок сам сделал или сказал все, как надо, он заслуживает поощрения.

Многие взрослые убеждены, что лучший способ поощрения детей – это похвала. Но это не так. Вряд ли вам так уж нужен ребенок, который будет вести себя правильно только ради похвал, только «за плату». **Поощрять ребенка лучше всего вниманием, уважением и лаской.**

То есть тогда, когда он ведет себя правильно, вы с ним уважительно разговариваете и проявляете к нему большое внимание. А если он ведет себя неправильно – игнорируете.

Игнорирование ребенка (особенно мамой!) – гораздо более суровое наказание для него, чем шлепки и выговоры. Соответственно, это и более эффективный способ воздействия. Игнорировать – значит вести себя так, как будто вы вдруг перестали ребенка замечать, словно забыли, что он существует.

Правда, по отношению к особо ранимым, чувствительным, робким и застенчивым детям этот метод лучше не применять: их это слишком травмирует. На такого ребенка лучше просто сердито посмотреть – и не более того.

Вообще наилучший метод поощрения и наказания – это всегда метод индивидуальный, то есть соответствующий индивидуальности вашего ребенка, но и вашей тоже. Он должен быть органичен для вас и найти его нужно самостоятельно, что не так уж сложно.

Почему некоторые люди всегда вежливы, а многие другие – не всегда?

Это связано с таким явлением, как «Я-концепция»: то есть представлением человека о самом себе, о том, каким он должен быть и каким он является. Каждый человек хочет уважать себя, считать себя достойным и хорошим человеком. Дети в этом смысле ничем не отличаются от взрослых; более того, они этого особенно остро хотят.

Так вот, все зависит от того, входит ли «вежливость» в «идеальное Я» человека, главную составляющую его «Я-концепции», или не входит.

Основания для уважения к себе чрезвычайно разнообразны. Кто-то уважает сильных (физически крепких, волевых); кто-то талантливых; кто-то – добившихся успеха в жизни, богатых, известных людей. В такие «Я-концепции» вежливость не входит, а если входит, то не играет в них существенной роли.

От чего же зависит то, будет вежливость важной составляющей «Я-концепции» вашего ребенка или не будет?

От того, является ли это качество существенной нормой поведения в вашей семье.

Если ребенок, допустив какую-то невежливость, встречается с недоумением, холодностью, неодобрением окружающих; а когда ведет себя как надо, то его одобряют (не обяза-

тельно словами, а тоном, выражением лица, манерой общения с ним), проявляют к нему уважение; если папа и мама всегда вежливы друг с другом и с самим ребенком; если они объяснили ребенку норму этикета и требуют их соблюдения – то такой ребенок просто не может не стать Юным Джентльменом.

Так что воспитать другого – это всегда значит воспитать прежде всего самих себя. Иного способа эффективного воспитания не существует.

Застенчивый ребенок

Что делать родителям, если ребенок замкнут, робок, застенчив, необщителен? Вечно забивается в уголок, как сыч в дупло, предпочитает играть в одиночестве. Боится всего нового и неожиданного. Когда ему задают вопрос, даже наипростейший, не отвечает.

Родители понимают, что так не должно быть, но часто не знают, в чем тут причины и как помочь малышу справиться со своими проблемами.

Когда Тиму (Тимофея) первый раз привели ко мне, ему было пять с половиной лет. Маленький тощенький смешной мальчишка: пострижен под бокс, и голова у него остренькая, и ушки остренькие.

Тимина мама – очень энергичная, уверенная в себе женщина. Рядом с ней – по контрасту – сын кажется каким-то особенно жалким, пришибленным. Хотя он симпатичный мальчик. Но вид у него такой, будто он боится, что его ударят. Смотрит исподлобья. Прежде, чем ответить на вопрос, очень долго думает; голос у него тихий-тихий, говорит быстро и невнятно.

Мама рассказала мне следующее: ее муж – человек чрезвычайно замкнутый, обожает что-то мастерить, может часами смотреть телевизор. Иной раз в течение дня от него двух слов не услышишь. Хотя человек он хороший, сына любит, правда, мало им занимается.

Тима пошел в садик в три года. Так уж пришлось: оставлять его было не с кем. Он ужасно плакал, отбивался, приходилось тащить силой. Садик он не любит, там он всегда унылый, не хочет играть с другими детьми. Дома, наоборот, бывает расшалится – не уймешь его. Но как зайдет кто-то чужой – сразу прячется в свой уголок и возится там с машинками: разговаривать с гостями не хочет.

Что бы ему ни предложили сделать – такое, чего он не делал раньше – он отвечает: «Не хочу!» Хочешь выучить и рассказать стишок? Не хочу! Хочешь научиться рисовать котика? Не хочу! Не хочет делать ничего нового, потому что, видимо, боится: вдруг плохо получится!

Как-то в садике готовили спектакль, Тима должен был играть роль Козлика. Он уже выучил свои слова, но когда стали репетировать, воспитателю не понравилось, что Тима говорит слишком тихо: она его прогнала и заменила кем-то другим. С тех пор он вообще ничего нового не хочет делать: ни в садике, ни дома.

Он давно уже читает буквы, более-менее научился читать по слогам, но целые слова читать не хочет – даже такие, как «вода», «рука», «лампа». Даже если рядом со словом – картинка. Говорит: «Я так не умею!» – и упорно продолжает проговаривать отдельные буквы и слоги.

Боится не только чужих взрослых, но и детей. Во всяком случае, сторонится. Ужасно боится всех собак, увидит – пусть даже маленькую собачку – и сразу бежать! Хотя его никогда собаки не кусали.

Что делать с ребенком?

Прежде всего, родителям такого ребенка надо правильно определить, что с ним такое: ведь *застенчивость*, *робость* и *замкнутость* – это три совершенно разных качества, хотя они довольно часто (но далеко не всегда) сопутствуют друг другу.

Начнем с ЗАСТЕНЧИВОСТИ. Это своеобразное качество состоит в том, что человек в ситуации общения чувствует себя оцениваемым и при этом не уверен, что у него все в порядке. Он подозревает – чаще всего, неосознанно и притом без всяких на то оснований – что его могут оценивать отрицательно.

Представьте себе, что вы вышли на подиум: на вас устремлены сотни глаз. При этом вам кажется – и вы даже почти в этом уверены – что брюки на вас сзади мятые и даже грязные, и поэтому все смотрят на вас с усмешкой. ТАК застенчивый человек чувствует себя постоянно – но *только в ситуации общения*.

Скажу сразу же: А.С.Пушкин был с детства очень застенчив, и даже в зрелые годы во многом оставался таким. Что не мешало ему быть чрезвычайно смелым человеком: в том числе и в отношениях с людьми.

Так вот – РОБОСТЬ – это *несмелость*, и не только в человеческих отношениях. Всего того, что может быть связано с болью или неудачами: физической опасности, трудных заданий и пр. – робкий человек старается избегать.

Что до ЗАМКНУТОСТИ, то это *необщительность* – и не более того. Такой человек хорошо себя чувствует, когда молчит и играет (или что-то делает) сам: он не очень нуждается в обществе. Очень замкнутым человеком был, например, П.И.Чайковский.

Замкнутость – качество абсолютно нейтральное: это просто индивидуальная особенность человека, черта индивидуальности. Это не хорошо и не плохо. Скажем, Тима замкнутый, потому что его папа замкнутый.

Дело в том, что любой ребенок *отождествляет себя со своим полом* (так это называют ученые) – т.е. убеждает себя, что он Настоящий Мальчик – или Настоящая Девочка – очень простым способом: старается быть максимально похожим – мальчик на отца, а девочка на маму. Разумеется, происходит это совершенно бессознательно.

Вот почему «яблочко от яблоньки недалеко падает»: вот почему дети чаще всего похожи на своих родителей – похожи качествами характера. Какую-то роль тут может играть и наследственность.

То, что Тима замкнутый, не плохо. Разве лучше быть бешено общительным, не способным обходиться без людей ни одной минуты? Такой человек не напишет ни «Войны и мира», ни «Лунной сонаты»: чтобы что-то такое создать, нужно любить одиночество!

Так что, не надо огорчаться, если ваш ребенок довольно замкнут: это свойство вполне доброкачественное.

С застенчивостью все сложнее. Застенчивость нельзя признать чем-то нормальным. Но надо понимать, что возникает она исключительно у людей душевно тонких, очень чувствительных. А это – черта очень положительная! Разве лучше быть бесчувственным, толстокожим?

Появляется застенчивость часто от того, что чувствительность ребенка кто-то больно ранил. Причем, чаще всего это происходит в раннем детстве. Иного малыша достаточно один раз высмеять (особенно, если это произошло публично или посмеялся над ним близкий человек, очень значимый для ребенка) – и он становится застенчивым, порой – на всю жизнь.

Чувствительность душевная в чем-то очень схожа с физической. Представьте себе, что у вас где-то содрана кожа: вы будете стараться этим местом ни к чему не прикасаться – чтобы не было больно. Бывает, такое случается с душой – когда ее чем-то ранят. Ведь общение – это соприкосновение душ. И вот для такого человека оно становится ситуацией опасной, травмирующей – и он старается ее избегать.

Вспомним еще раз о Пушкине, который был очень застенчив. Он тянулся к людям, но трудности в общении привели к тому, что у него чрезвычайно развились наблюдательность, эмпатия (способность почувствовать эмоциональное состояние другого человека), понимание людей. Его очень интересовали люди – а общаться с ними он боялся и наблюдал их со стороны. И вот так получился великий поэт и писатель!

Так что, застенчивость – сложное качество: и плохое, и хорошее.

Есть такой психологический и педагогический закон, открытый Л.С.Выготским, – *закон обходных путей развития*. Любое препятствие, любая трудность в развитии ведут

к тому, что ребенок «движется в обход», приобретая при этом какие-то особые, часто редкие и потому особо ценные, качества.

Не получается общаться с людьми? Научусь наблюдать за ними, понимать их!

И все-таки застенчивость – это своего рода душевная болезнь. И лучше постараться помочь ребенку избавиться от нее.

Как это делать? Прежде всего, вести себя с ним как можно деликатнее, ничем его не задевая. Раз застенчивый – значит очень чувствительный, душевно ранимый! Такой ребенок больше, чем все дети, нуждается в безусловной любви, в том, чтобы родители – или хотя бы только мама – полностью принимали его таким, какой он есть, и верили в него.

А.С.Пушкина родители не любили: его мать этого даже и не скрывала. Это была одна из причин его застенчивости.

Нужно стараться избавить застенчивого ребенка от любых травмирующих ситуаций. Такого малыша нельзя заставлять, нельзя на него давить. Нужно постоянно своими словами, своим поведением по отношению к нему внушать ему уверенность в себе.

И в то же время очень важно не прятать такого ребенка от жизни. Тут есть противоречие (с одной стороны, беречь, – с другой – не прятать), но это так. Ему нужно укреплять уверенность в себе: ведь застенчивость «замешана» на неуверенности. Для этого подойдет все, что угодно: все, что он хочет и может делать хорошо. Почаще, хотя и умеренно, хвалите такого ребенка, а критикуйте очень осторожно.

Застенчивые дети часто бывают добрыми, охотно заботятся о тех, кто в этом нуждается. И это укрепляет их уверенность в себе. И это можно использовать: например, хотя бы просто купить ребенку щенка. Устройте так, чтобы малыш почаще помогал вам.

Застенчивый малыш часто «зациклен» на своей проблеме, уверен, что он хуже других, т.к. неумение общаться с людьми бросается в глаза, а другие, гораздо более важные особенности личности (та же доброта), скрыты и кроха их пока в себе не замечает. Поэтому постарайтесь убедить ребенка, что с ним все в порядке: он хороший, у него много хороших качеств, а т.н. «общительность» – далеко не главное в людях.

Чтобы ребенок перестал ощущать себя оцениваемым, он должен постепенно *приучаться оценивать других*. Для этого почаще обсуждайте с ним других людей: какие они, почему так, а не иначе ведут себя. Обратите его внимание на то, что на самом деле его проблемы мало кого интересуют – что, конечно, так и есть. Проблемы застенчивых в большой мере носят фантомный характер: реально их нет – никто за этим ребенком не следит и не замечает в нем ничего «такого».

Наконец, мы добрались и до робости. А вот это уже качество сугубо патологическое. Основная составляющая робости – обычный страх, а постоянный страх разрушительно влияет на развитие человека.

И прежде всего нужно разобраться, почему ребенок стал робким. Причин может быть много. Некоторые очевидны (папа вспыльчив и порой кричит и даже бьет сына); о некоторых вы можете и не знать (катался в садике на санках, вдруг откуда-то выскочила большая собака и с громким лаем напала на малыша, а воспитательница это скрыла от мамы). Но если есть что-то, что делает вашего ребенка робким, то это просто нужно устранить: если, конечно, это в вашей власти. 80 или 90% робких детей просто запуганы, причем, как правило, самыми близкими взрослыми. Увы, это так.

Правда, не всегда эти взрослые понимают, что их поведение или слова пугают ребенка. Некоторые очень энергичные, с «командирскими» привычками папы и мамы не осознают, что обычная для них манера вести себя, еще и усугубляемая тем, что ребенок совсем маленький и что это *их* ребенок, как раз и является причиной его робости.

Я уже отмечал, например, что у Тимы очень напористая мама: она как-то сразу производит такое впечатление. Так вот, мне пришлось ей объяснить, что в этой ее особенности – разгадка некоторых проблем ее сына. И что ей нужно научиться общаться с ним по-другому.

Некоторые взрослые любят послушных детей. Но если от крохи всегда требуют безусловного послушания, подавляя его самостоятельность (особенно, если это мальчик), то он неизбежно станет робким.

Робкому ребенку очень нужна ситуация, в которой он мог бы очень медленно, очень постепенно, развивать свою смелость. Может быть, какая-то спортивная секция. Может быть, просто какая-то игра. Полезно вместе с ребенком кататься с горки на санках. Пораньше научить его плавать. Вообще чем крепче малыш физически (опять-таки – особенно, если это мальчик), тем реже он бывает робким. Великий педагог В.А.Сухомлинский прыгал со своими детьми-шестилетками с обрыва! Сначала с небольшой высоты, потом – все выше и выше. Робким детям он позволял не прыгать, но, глядя на других, все они в конце концов решались прыгнуть – и так преодолели свой страх.

А еще – как ни странно, это так – робкому ребенку очень полезно общаться... с еще более робким! В сравнении с которым он себе кажется смелым и решительным!

Во всяком случае, сама собой робость не проходит, а она очень отрицательно влияет как на самочувствие крохи, так и на его развитие. Ее нужно целенаправленно преодолевать.

Если ваш ребенок слишком уж «зажат», не хочет общаться с другими детьми, боится всего нового – это повод для беспокойства. Но не стоит особенно огорчаться: может быть, это будущий Пушкин или Чайковский? Многие великие люди были странными детьми.

Но если вы уверены, что особенности вашего ребенка недоброкачественные, что они ему вредят, – проконсультируйтесь с хорошим специалистом (психологом или педагогом) и выработайте определенную стратегию по преодолению его недостатков.

Ничего страшного и фатального ни в застенчивости, ни в робости нет: помочь ребенку стать смелее и увереннее – вполне в ваших силах.

*Главная составляющая робости и застенчивости – неуверенность в себе.

Чтобы ее преодолеть:

Организируйте жизнь ребенка так, чтобы он почаще делал то, что у него хорошо получается.

К счастью, нет людей, всегда и во всем неуверенных: каждый человек что-то делает лучше, что-то хуже – поэкспериментируйте и найдите, что ваш малыш может делать хорошо и уверенно (это может быть музыка, лепка, рисование, спорт и мн. др.) – и пусть он это делает как можно чаще. Тогда его уверенность в себе будет расти.

Игнорируйте (не замечайте) проявления неуверенности, неудачи – как будто их нет. Наоборот, замечайте и отмечайте любую удачу, любое уверенное действие крохи, – тем самым внушая ему, что он уверенный и удачливый.

Воспитывайте смелость: пусть малыш катается с ледяных (снежных) гор; играет в спортивные игры (футбол, хоккей и пр.); плавает, лазает по деревьям – делает все, что ему нравится и что связано с преодолением своего страха.

Исключите все неблагоприятные факторы, из-за которых ваш ребенок может стать еще более неуверенным в себе: постоянную критику, угрозы, окрики, суровые наказания за пустяковые проступки и пр.

Как можно чаще советуйтесь с малышом, интересуйтесь его мнением и считайтесь с ним; давайте ему возможность принимать решения, что-то делать самостоятельно.

Организируйте жизнь ребенка так, чтобы развивать его внутреннюю активность: интерес к людям, стремление понимать их, заботиться о них.

Постарайтесь организовать общение малыша с теми детьми, которые еще более неуверены в себе, чем он.

Родительский стиль

Чтобы воспитать ребенка, иной раз нужно суметь взглянуть на себя его глазами. «Влезть в его шкуру и походить в ней». И тогда наше привычное поведение может предстать перед нами в неожиданном свете. Мы даже можем что-то открыть в себе, чего прежде не замечали; что-то в себе преодолеть – и стать лучше. Благодаря своему ребенку!

Есть такой популярный термин – «стили педагогического общения». Чаще всего, выделяют только три таких стиля: авторитарный, либеральный и демократический. Однако относят их почему-то только к профессиональным педагогам. Но ведь каждый родитель – тоже педагог, неважно, осознает он это или нет. Родители тоже общаются со своими детьми – и общаются по-разному.

Какие же существуют «родительские стили» общения с детьми; почему они такие разные; как влияют на развитие ребенка – и, наконец, как изменить свой стиль, если в этом есть необходимость?

Деспотический стиль. Такой стиль никогда самим взрослым не осознается – не потому, что так трудно это заметить за собой, а потому, что психологически неприятно: согласитесь, это довольно некрасиво – деспотически вести себя по отношению к собственному ребенку, притом – еще совсем маленькому.

Суть этого стиля в том, что от ребенка всегда требуют безоговорочного послушания: никакие распоряжения взрослого нельзя обсуждать и нужно сразу их исполнять. Другими словами, чтобы не вызвать гнева мамы или папы, малышу приходится стать покорным, отказываться от своих желаний, мнений, от своей воли.

Такой стиль в чистом виде встречается нечасто. Хотя надо сказать с сожалением, что есть такие страны, в которых подобных родителей, увы, довольно много. К ним относятся и Россия.

В чем причина такого поведения взрослого? Она проста – это неуверенность в себе или даже комплекс неполноценности.

Наверное, вы замечали, что, когда вы плохо себя чувствуете, устали или у вас случилась серьезная неприятность, – вас начинают раздражать т.н. «непослушные» дети (в том числе и свои собственные). Так вот, родитель-деспот постоянно находится в таком состоянии: отсюда стремление полностью исключить всякое «непокорство» ребенка, которое такой взрослый воспринимает очень болезненно.

Кстати, отсюда уже понятно: деспот – в каком-то смысле несчастный человек! Он потому и стал деспотом, что несчастен.

Однако надо понимать и то, что такие родители приносят своему ребенку огромный вред, тормозя его развитие (особенно, личностное), которое просто невозможно без самостоятельности, без уважения к желаниям и собственной воле ребенка со стороны самых близких взрослых.

К сожалению, мало надежды, что хоть один родитель-деспот, прочитав эту статью, найдет в себе мужество признаться себе в своей проблеме. Но если такое чудо все-таки случится, то преодолеть свой деспотизм он сможет только одним способом: укрепить уверенность в себе. Преодолеть свои комплексы.

Просто перестать «давить» на ребенка такой человек, как это ни странно, не может: это ему психологически необходимо. Избавиться от этой психологической проблемы можно, но для этого придется научиться больше уважать и любить себя. Да, да! Именно себя! Конечно, нужно еще постараться понять, что «непослушание» малыша – вовсе не означает,

что вы для него не авторитет, что он вас не уважает: это просто естественная особенность его возраста.

Кстати, важно понять еще то, что родителя-деспота НИКОГДА НЕ ЛЮБЯТ его собственные дети. И это психологический закон: это не может быть иначе. Когда что-то или кто-то систематически мешает человеку удовлетворять одну из своих главных потребностей (а потребность в самостоятельности у человека – одна из основных!), у него возникает враждебность к этому, тем более сильная, чем сильнее сама потребность.

Представьте себе, что вы мучаетесь от жажды. Рядом колодец. Но у колодца стоит сторож, который не пускает вас к нему, не обращая никакого внимания на ваши муки. Как вы к этому человеку отнесетесь?

Конечно, враждебность к собственным родителям в душе ребенка подавляется: ведь он от мамы и папы очень зависим. Но загнанная вглубь, не находя себе выхода, она от этого только растет.

В глазах такого ребенка его родители – страшная давящая сила. И если посмотреть на себя его глазами, то станет страшно уже нам самим.

Требовательный стиль. Безусловно, родители вправе – и даже должны – многого требовать от своего ребенка. Без требовательности воспитать человека нельзя. Сказал же А.С.Макаренко: «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему!»

Но здесь я имею в виду требования чрезмерные, завышенные. Скажем, когда родители непременно хотят, чтобы ребенок в четыре года уже читал – и вообще был каким-то вундеркиндом.

Спору нет, раннее развитие – штука хорошая. Но не тогда, когда ребенка усиленно заставляют развиваться. Развитие должно быть органичным – не обязательно ранним, но обязательно своевременным. Его нельзя искусственно ускорять: это для ребенка вредно.

Нельзя требовать от ребенка слишком много: так можно в итоге получить неврастеника, потому что соответствовать этим завышенным требованиям ребенок не сможет. В то же время малыш не в состоянии критически отнестись к папе и маме: они для него как Боги. Раз родители чего-то хотят от него, а он этого не делает, то ребенок начнет ощущать себя каким-то неполноценным существом, что чрезвычайно опасно.

Ребенку даже нужно, чтобы родители были в меру строгие, чтобы чего-то от него требовали. Но: требования должны быть выполнимыми – посильными для крохи.

Почему возникает такой стиль? Его главная причина – родительские честолюбие и самолюбие. НАШ ребенок должен быть САМЫМ УМНЫМ! Он должен многого достичь!

А причина такого ненормального – перенесенного на своих детей – честолюбия – в каких-то несбывшихся надеждах. Скажем, мечтал человек стать знаменитым, многого достичь – и ничего не вышло. Никто его не знает, работает он на самой незаметной должности.

В общем-то, чтобы преодолеть это в себе, достаточно просто спокойно над этим поразмыслить, причем в таком плане: я вполне достойный человек, честный, порядочный, люблю свою семью и своих детей. Да, мне не все в жизни удалось – а много ли таких, кому все удается? К тому же среди знаменитых, удачливых и успешных очень много плохих людей. Не хотел бы я быть на них похожим. Значит, у меня даже есть некоторые преимущества перед ними.

Т.е., опять-таки, – укрепить свое самоуважение, достичь душевного равновесия.

Тогда и завышенные требования к ребенку будут уже не нужны.

Ребенок, у которого чрезмерно требовательные родители, их тоже боится. Хотя может в то же время и любить их.

Непредсказуемый стиль. Этот стиль очень распространен во всем мире.

Суть его в том, что у папы с мамой семь пятниц на неделе: сегодня у них хорошее настроение – и они на все шалости малыша смотрят сквозь пальцы; а на следующий день, наоборот, наказывают за малейшую провинность. То строги, то мягки; то жестки, то снисходительны.

Такие родители не устанавливают для ребенка никаких правил: малыш не понимает, что можно, чего нельзя. Все может быть можно – и все может вдруг оказаться нельзя. Все зависит от настроения мамы или папы в данный момент.

Иногда причина появления такого стиля – просто педагогическая безграмотность: непонимание того, что *отношения с ребенком необходимо строить так, чтобы он знал, чего ему ожидать от взрослых*.

В противном случае малыш, с одной стороны, чувствует себя всегда неуверенно (вдруг – возьмут и накажут?!), а с другой стороны, надеется на то, что любой проступок может остаться безнаказанным (что еще хуже!).

Есть и еще одна причина непоследовательности родителей – их бесхарактерность. Отсутствие твердости, сосредоточенности; неумение контролировать себя, свои эмоции, свое поведение. Непривычка иметь какую-то определенную линию поведения. Некоторая душевная расхлябанность, распушенность.

Изменить такой стиль несложно: нужно просто установить определенные правила: и для ребенка, и для себя – и стараться их всегда соблюдать и требовать их соблюдения от ребенка. За определенный проступок должно быть определенное наказание – и ребенок должен знать заранее, какое именно. И только такое наказание и должно применяться, причем, всегда, когда малыш совершил именно это «преступление».

В глазах ребенка его непредсказуемые родители – одновременно и очень привлекательные (порой от них можно добиться чего угодно, они могут что угодно простить), и очень опасные (вдруг – ни с того, ни с сего – как накажут!) существа. Его внутренний мир неустойчив, полон тревоги. Самоконтроль у такого ребенка не развивается, «внутренние тормоза» отсутствуют.

Такие дети – даже если они сами по себе хорошие и добрые – в подростковом возрасте часто совершают какие-то совершенно безумные поступки и даже преступления (ведь они привыкли надеяться на то, что им все что угодно может сойти с рук).

Оберегающий стиль (гиперопека).

Встречается почти исключительно у женщин, и таких женщин в просторечии часто именуют «наседками».

Такая мама почему-то всегда беспокоится за своего ребенка: боится, что его промочит дождик, продует ветерок, обидят другие дети. Если он будет бегать по лестнице, обязательно сломает ногу! А если залезет на турник – упадет и сломает шею!

Маме хотелось бы идеально надежно предохранить свое дитя от всевозможных опасностей, но это нереально, поэтому она всегда пребывает в состоянии тревоги и успокаивается только тогда, когда ребенок засыпает.

Собственно, если попытаться ясно выразить, что нужно такой маме, то получится, что ей как раз и хотелось бы, чтобы ее ребенок «вечно спал»: ничего не делал, ни с кем не играл, не бегал, нигде не лазил – и вообще не жил! И только тогда она была бы спокойна за него!

Безусловно, такая женщина заслуживает всяческого сочувствия. Однако и вред, который она приносит ребенку, очень велик. Тревога матери передается малышу, и он сам становится крайне неуверенным в себе, тревожным, всего боится.

Причина появления такого стиля – обычно в том, что в жизни женщины ребенок играет совершенно исключительную роль. Часто она воспитывает ребенка одна; иногда муж есть, но отношения с ним не сложились – в то же время разводиться не хочется, а значит – потеряна

надежда на личное счастье. Иногда и на работе что-то не ладится или работа нелюбимая. И еще: почти всегда этот ребенок – единственный.

Остановить это в себе самостоятельно почти невозможно. Тут нужна длительная работа с хорошим психологом – или даже психотерапевтом.

Какой кажется такая мама своему малышу? Она представляется ему единственным спасительным островком во враждебном мире. Единственной, кто может быть к нему добр, кто его защитит, кому он нужен.

Кстати, как это ни печально, некоторые женщины для того так и ведут себя по отношению к своему ребенку, чтобы он к ним ВОТ ТАК относился – хотя сами этого, конечно, совершенно не осознают.

Нетребовательный стиль.

Такие родители убеждены, что их задача – безоговорочно и всегда любить ребенка, просто потому, что это их ребенок; заботиться о нем; удовлетворять абсолютно все его потребности. Движение здесь идет только от взрослых к ребенку: он только потребляет их любовь и заботу. Они от него ничего не ждут, ничего не требуют.

В ситуации конфликта с другими детьми такие родители всегда, не слишком вникая в суть дела, принимают сторону своего ребенка: они уверены, что обязаны всегда быть на его стороне.

В результате – вырастает избалованный черствый эгоист и потребитель.

Причина появления такого стиля – или педагогическая безграмотность в сочетании с добротой и самоотверженностью; или, как это ни странно, родительский эгоизм. Хотя такие родители кажутся абсолютными альтруистами, однако это чисто внешнее – и совершенно неверное – впечатление. На самом деле, им доставляет непосредственное удовольствие тетешкать свое дитя, ощущая себя Замечательными Родителями. А человек, чье поведение мотивировано своим удовольствием, – это и есть чистой воды эгоист.

Остановить это в себе непросто, т.к. привычка так себя вести доставляет удовлетворение взрослому – а надо от него отказаться. Чтобы этого достичь, необходимо «переключить» свое внимание со своих субъективных ощущений на САМОГО ПО СЕБЕ РЕБЕНКА. То есть учиться наблюдать за ним, понимать его; думать о его развитии – учиться относиться к нему ОБЪЕКТИВНО. Тогда постепенно можно выработать более здоровый стиль отношений с малышом.

Такому ребенку его родители представляются чем-то вроде Перпетуум-Пирожного: Вечного Пирожного – от которого можно всю жизнь откусывать, а оно все равно никогда не кончается. Все же остальные люди такому дитяте кажутся «невкусными», плохими.

Угрожающий стиль.

Такой стиль ничего общего не имеет с деспотическим, хотя их часто путают. На самом деле, «угрожающий родитель» – это человек, который почему-то убежден в крайней эффективности в воспитании КНУТА – и в то же время в крайней неэффективности ПРЯНИКА. На самом деле дело обстоит скорее наоборот (хотя и кнут, и пряник – далеко не лучшие методы воздействия на ребенка).

Такой стиль чаще свойствен мужчинам. Отцу кажется, что ребенку нужно постоянно угрожать. Папа думает, что сын или дочь обязательно «забалует», если не держать малыша в ежовых рукавицах.

Основная причина появления такого стиля – в том, что мужчины по сути своей весьма агрессивные существа. Вспомним, что мужчины тысячи и даже десятки тысяч лет занимались, главным образом, войной и охотой (т.е. тоже войной, только не с людьми, а с животными). В то же время выхода для этой агрессивности в современном обществе почти никакого нет. Работа у многих мужчин – по сути такая же, как у женщин. Если человек не играет в футбол и не гоняет на мотоцикле, ему не в чем проявить свою агрессивность.

В результате – страдает собственное чадо. Конечно, для ребенка такой папин стиль очень нежелателен, хотя и не приносит большого вреда, если папа в то же время малыша по-настоящему любит, что вполне возможно и даже бывает очень часто.

Остановить это в себе нетрудно: надо просто найти другой выход для своей агрессивности. Купить ружье и ходить на охоту. Заняться спортом. Или придумать что-то еще.

Что до ребенка, то если отец любящий, для него любовь и агрессивность навсегда связываются в одно нерасторжимое целое – у него возникает убеждение, что агрессия – это хорошо, это положительное качество. В результате, если это мальчик, то он сам будет очень агрессивным; а если девочка, ей будут нравиться только очень агрессивные мужчины (причем, даже в том случае, если эта агрессивность проявляется по отношению к ней же самой).

Женщине же такой стиль может быть свойствен только, если она совершенно равнодушна к ребенку, а это бывает очень редко.

РЫНОЧНЫЙ СТИЛЬ

Товарно-денежные отношения могут проникать и в семьи. Такие родители уверены, что все поступки человека – и ребенка в том числе – мотивированы всегда только своей выгодой, причем, выгодой материальной. Более того, взрослые убеждены, что так и должно быть – и это хорошо!

Неудивительно, что папа и мама, когда им нужно добиться чего-то от ребенка (а родителям часто это бывает нужно), попросту подкупают его: обещают ему что-то купить и т. п. – и честно держат свое слово.

Такой малыш ничего никогда не станет делать даром. Это будет «бизнес-мен» чистой воды уже в 5—6 лет. Но родителям может казаться, что это так и надо.

На самом же деле, бескорыстное поведение совершенно естественно для человека – а для ребенка в особенности. Конечно, его можно за что-то и поощрить подарком – хотя лучше дарить ему вещи просто так, а не за какие-то его «заслуги». Но нельзя ВСЯКОЕ его хорошее дело поощрять материально. Это приведет к тому, что таким образом воспитанный (или, вернее, невоспитанный) человек будет стремиться в жизни только к меркантильным целям. Его уже не будут интересовать духовность, доброта, человеческое счастье. Он все будет мерять материальными ценностями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.